

Эрнест Жвиридовский
**Поглощающая
смерть**

18+

Эрнест Жвиридовский

Поглощающая смерть

<https://litres.ru/73361728>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы когда-нибудь задумывались, сколько жизни остаётся в мёртвом теле?

Адам Морс знает ответ. Патологоанатом в маленьком городке, он привык к запаху формалина и виду пустых глаз. Но есть то, к чему невозможно привыкнуть: непрожитые годы, которые он видит в каждом мёртвом теле. Годы, которые можно забрать.

Он не знает, откуда у него этот дар. Он знает только цену: чужие кошмары, бессонные ночи и вечное одиночество. Но ради детей из хосписа «Тихая гавань» он готов платить эту цену снова и снова.

Всё меняется, когда на въезде в город разбивается автобус. Семнадцать мёртвых. Никаких следов жизни там, где она должна была быть. Есть лишь пустота.

И эта пустота начинает преследовать Адама.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	37
Глава 3	63
Глава 4	89
Глава 5	109
Глава 6	133
Глава 7	149
Глава 8	169

Эрнест Жвиридовский

Поглощая смерть

Глава 1

Стоун-Хейвен, штат Мичиган

15 ноября 2025 года

Это была самая холодная ночь в его жизни. Ледяной ветер швырял в лицо крупные капли дождя, а намокшая одежда тяжелела с каждой минутой. При каждом новом порыве ему казалось, будто чья-то невидимая рука настойчиво тянет его за края куртки, не желая, чтобы он передумал.

Адам стоял на краю крыши, покачиваясь от ветра, как одинокий лист. Он уже готов был сорваться и упасть туда, где покоятся остальные, глядя на которых никто и не вспомнит, что в них когда-то текла жизнь. По коже пробежали мурашки, а пальцы свело судорогой на горлышке почти опустевшей бутылки виски. Оно разливало по жилам обманчивое тепло, но дождь с ветром делали своё дело, пробирая тело до костей. Всё тепло уходило так же быстро, как и приходило.

Адам посмотрел вниз. Сквозь стену дождя едва пробивался свет фонарей и фар редких машин, которые на мгновение вспыхивали, а после так же быстро гасли. В окнах напротив горел тёплый свет, позволяя рассмотреть в них двигающиеся

ся силуэты.

«Интересно, если бы кто-то сейчас случайно посмотрел в мою сторону, увидел бы промокшего насквозь парня на краю крыши? Наверное, нет. В такую погоду человека не разглядишь и в трёх шагах. Да и никому нет до этого дела. Люди внизу шлёпают по лужам, прячутся под зонтами и спешат домой, в тепло, в постель. Тёплая постель».

Он сделал шаг назад от края.

Глубоко внутри ещё жила надежда, что его заметят и кто-нибудь поднимется к нему. Потом протянет руку и скажет нужные слова, как в кино, которые заставят его остановиться.

«Может, стоит спуститься, укутаться в плед, позволить ему согреть меня и уснуть? А наутро останутся только простуда, похмелье и предательство».

Перед глазами всплыли образы, от которых внутри всё оборвалось. Его жена с лучшим другом, пока он пашет на трёх работах, чтобы у сына было всё то, чего сам не имел в детстве. Сын, которого он любил больше всего на свете, тянущий к нему ручки и лепечущий «папа». Ребёнок, совсем не похожий на него. Сын жены от его лучшего друга.

Адам разжал пальцы, и бутылка глухо стукнулась о бетон, расплескав остатки виски по ботинкам. Он шагнул вперёд, развёл руки в стороны и позволил ветру толкнуть себя.

От резкого толчка Адам проснулся. Пот щипал глаза, и

приходилось заставляя себя держать их открытыми. Стоило лишь сомкнуть веки, и он снова проваливался в тот же кошмар.

Протерев лицо одеялом, он сел на кровати и опустил босые ступни на холодный пол. Постель промокла насквозь, и на том месте, где лежал Адам, остался влажный отпечаток тела, напоминая меловой контур на месте преступления. С трудом поднявшись и переставляя ноги, словно после долгой болезни, он побрёл в ванную, чтобы смыть липкий пот. Последние ночи отбирали все силы без остатка.

Адам открыл холодную воду и принялся тереть глаза, пытаясь стереть не только пот, но и сам сон, который вьелся в веки, не желая уходить. Умывшись, он вытер лицо и поднял взгляд на зеркало.

На него смотрел старик. Не тридцать два, а все шестьдесят. Осунувшееся лицо, белки в красных прожилках, под глазами чёрные провалы. Тёмные волосы мокрыми прядями прилипли к голове и блестели под лампой.

На секунду ему показалось, что за его спиной, в отражении, стоит кто-то ещё: мокрый, дрожащий, с бутылкой в руке. Адам резко обернулся, но там никого не было.

«Никогда к этому не привыкну».

Он пришёл на кухню, где на столе в ожидании его стояли бутылки, будучи немymi свидетелями того, как можно медленно сходить с ума. Адам взял наполовину пустой «Гленlivet», плеснул в стакан почти до краёв, осушил в два глотка

и поставил посуду обратно.

Его взгляд упал на часы, и он закрыл глаза, сдавливая пальцами переносицу.

«Полчетвёртого. Уснуть уже не получится. Надо как-то прожить этот день».

Уже несколько дней ему снились последние мгновения чужой жизни. Он знал, что самоубийцы — это самые тяжёлые доноры, с их мыслями, полными отчаяния, истязавшими его душу каждую ночь.

Но было кое-что страшнее всего этого. Адам видел не только то, как они умирают, но и то, как они могли бы жить. Их будущее, которое они сами оборвали.

У Адама выбора не оставалось. Он без колебаний забрал жизнь этого парня, зная, чем придётся расплачиваться.

Ради Макса.

К восьми утра Адам уже стоял у морга. В голове всё ещё вспышками прокручивалась прошлая ночь. Снег с дождём хлестали по лицу, а ветер забирался под самую куртку. Хотелось скорее нырнуть внутрь и спрятаться от холода.

Возле дорожки, ведущей ко входу, торчала облезлая табличка с выцветшей краской.

«Судебно-медицинский центр округа Айрон-Шорс, 17, Блэк-Спрус-роуд, Стоун-Хейвен».

Одноэтажное здание из коричневого кирпича с плоской крышей. Широкие ворота заперты. Раньше здесь ночевали

машины скорой, а теперь за ними стоял серый фургон с надписью «CORONER». Рядом, за низким забором, начиналось кладбище Пайн-Рест, плиты которого ровными рядами уходили прямо к лесу.

Адам часто задумывался, что более логичного места для морга не найти. В здании, которое уже отслужило свою первую, шумную жизнь. На полпути между городом и вечностью.

Все местные называли его «Старой скорой».

Он толкнул дверь и вошёл.

— Доброе утро! — бодро начал Ник, но, приглядевшись к Адаму, улыбка сползла с его лица. — Боже, ты выглядишь так, будто тебя наш фургон переехал.

— Примерно так я себя и чувствую, — Адам попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой и тут же погасла.

— Ты серьёзно неважно выглядишь. Что-то случилось? Может, заболел?

— Не высыпаюсь, только и всего, — Адам отмахнулся. — Что там у нас?

— Майкл Саммерс, двадцать пять лет. Нашли за мусорками в паре кварталов отсюда. Привезли пару часов назад. Предварительно — передоз. Стол я для тебя приготовил.

Адам закатил глаза и глубоко вздохнул. Хуже самоубийц были только наркоманы. С них можно было взять максимум пару лет, а расплачиваться потом несколько ночей кошмарами с дикими галлюцинациями, сводящими с ума, и пред-

смертной агонией.

— Понял, — протянул он обречённо. — Ладно, за работу. Адам открыл дверь с табличкой «Секционный зал» и не спеша вошёл.

Адам стоял у раковины, вытирая руки и настраиваясь на работу. Свет люминесцентных ламп падал ровно, не оставляя теней, а воздух гудел от вентиляции. Запахи в секционной смешивались: сверху едкая химия, глубже — сладковатый формалин, а в основе угадывалась плоть.

Он уже был внутри этой рабочей пустоты, и в его голове воцарилась тишина, где нет места ничему, кроме фактов. Адам натянул чёрный фартук и надел резиновые сапоги, глухо стучащие по кафелю. Затем надел тонкие перчатки, а поверх них грубые. Защитный щиток опустился, отделяя его лицо от того, что лежало на столе. Теперь он не человек, а функция. Функция «вскрытие».

На столике аккуратно в ряд лежали инструменты: большой нож, маленький скальпель, реброрез и черепная пила. Рядом стояли чистые банки для образцов, подписанные его рукой.

Он подошёл к столу, откинул простыню, и перед ним предстал молодой парень.

«Всегда слишком молоды».

Адам начал внешний осмотр, чётко диктуя в диктофон: телосложение, рост, трупные пятна. Пальцы скользили по

холодной коже. На левом локтевом сгибе он заметил старые следы уколов и ещё несколько свежих. Путь введения был предельно ясен. Скорее всего, здесь всему виной героин.

Он взял большой нож, лезвие блеснуло, и от лёгкого давления кожа расступилась от шеи до лобка. Из разреза показалась не кровь, а тёмная густая влага. Он взял реброрез, один металлический щелчок и грудная клетка с хрустом открылась, как тяжёлая дверь.

Лёгкие отёчны, сердце переполнено тёмной кровью, а печень типична для наркоманов. Адам взял шприц, чтобы собрать кровь из вены, а после мочу и желчь.

Перевернув тело, он сделал разрез на голове, и черепная пила заполнила комнату пронзительным звуком. Сняв крышку черепа, он увидел мозг, также отёчный. Ещё одна деталь для той картины, которую он собирал по кусочкам.

Когда всё было кончено, органы взвешены, а тело ушито грубым швом, Адам снял с себя защиту. Отщёлкнул щиток, стянул перчатки, снял фартук и сапоги. Он глубоко выдохнул и подошёл к раковине. Холодная вода смыла с его рук остатки работы.

Запахи всё ещё цеплялись за одежду, но главное, что работа уже была сделана. Все улики отправлялись в лабораторию в стеклянных банках. В них плавало молчаливое признание, молекулы яда, а также история длиной в один укол. Оставалось только оформить её в протокол.

Покончив с основной работой, Адам собирался на ночную

смену в другое место. Сегодня он спешил больше, чем обычно. Времени у Макса почти не оставалось.

Адам остановился перевести дух, пробежав почти весь путь. Отдышавшись, он посмотрел на здание хосписа, собрался с мыслями и толкнул дверь. Дверь, за которой надежды тихо и неумолимо угасают.

Хоспис «Тихая гавань» стоял в сосновой роще на окраине Стоун-Хейвена, в двух шагах от «Старой скорой». Низкое кирпичное здание с огромными окнами, в которых, когда улицы накрывали сумерки, загорался тёплый свет.

Иногда, засидевшись допоздна, Адам видел, как этот свет смешивался на Блэк-Спрус-роуд с холодным отблеском уличных фонарей. Два соседних здания, два портала между мирами. Одно — для тихого, подготовленного ухода. Другое — для внезапного и жестокого вторжения смерти, которое он разбирал по косточкам. Эта близость мучила его и в то же время казалась жуткой, почти мистической закономерностью.

Адам быстро прошёл мимо регистрационной стойки, на ходу кивнув Маргарет Уилсон. Пожилая медсестра так и не нашла покоя на пенсии. Она вернулась, чтобы продолжать дело, которое считала святым.

«Любое дело, что связано с детьми, сопровождается Богом», — часто говорила Маргарет.

Адам шёл по коридору в полной тишине. Дойдя до палаты

номер 7, он остановился на несколько секунд и открыл дверь.

Эмили Брайт сидела на деревянном стульчике спиной к выходу, рядом с койкой. В чёрных, чуть растрёпанных волосах уже пробивалась седина, хотя ей едва перевалило за тридцать.

Рядом, на соседнем стуле, привалившись к стене, спал Филипп, её муж. После работы он всегда ехал сюда, и на отдых времени не оставалось. Очки на его лице понемногу сползали, и казалось, ещё мгновение и они упадут, со звоном разобьются о мраморный пол, нарушая тишину. Типичный офисный работник, одет под стать, но в хорошей физической форме. Резкий контраст.

Адам вошёл и тихо прикрыл за собой дверь. Эмили обернулась, и в тусклом свете ночной лампы он увидел её почти безжизненное, мокрое от слёз лицо. Худощавое, уставшее, с пересохшими губами, но всё ещё красивое.

Она резко встала, и Филипп проснулся, поймав на лету сползающие очки. Эмили подошла к Адаму, заплакала и крепко обняла его. Её тонкие пальцы впивались в спину, сжимая всё крепче с таким отчаянием, будто её мир рассыпался на куски. Филипп молча смотрел, и сквозь его очки пробивался блеск влажных глаз.

Она разжала объятия, сделала шаг назад и вытерла слёзы рукавом вязаного свитера.

— Доктор Кларк сказал, времени больше нет. Я здесь тре-

тьи сутки, боюсь пропустить его последний вздох. — Эмили всхлипнула и продолжила: — Огромное вам спасибо. Последние три недели он был таким счастливым, всё время говорил о вас и называл своим лучшим другом. Это бесценно.

Филипп снял очки, вытер ладонью глаза и вышел из-за спины жены, протянув Адаму руку.

— Большое спасибо.

Адам крепко пожал ему руку, и Филипп ещё какое-то время не отпускал её, будто старому доброму знакомому.

— Вам нужно немного отдохнуть. Сходите к автомату, возьмите кофе, а я пока побуду здесь. — Адам перевёл взгляд с мужа на жену.

Эмили кивнула, взяла его под руку, и они вышли, прикрыв за собой дверь. Адам слушал, пока шаги не затихли в коридоре, и подошёл к койке.

Макс открыл глаза и улыбнулся.

— Здравствуйте, доктор Морс, — его голос был тихим и болезненным.

— Здравствуй, Макс. — Адам присел на стульчик рядом и улыбнулся. — Я же говорил, можешь называть меня Адамом. Мы ведь друзья.

— Да, но мама сказала, что это некультурно. Она говорит, ты старше и ты мой доктор, поэтому я должен разговаривать с тобой уважительно.

Адам усмехнулся.

— Твоя мама совершенно права. Но в нашем случае всё

немного по-другому. Я не против, чтобы мой друг называл меня просто по имени.

Макс широко улыбнулся, но через несколько мгновений улыбка сошла с его лица, так же быстро, как и появилась.

— Скажи, я умираю?

Вопрос повис в воздухе. Адам замер, не ожидая такой прямоты от ребёнка. У Макса была лейкемия, и врачи сначала давали хорошие прогнозы. Наступила ремиссия, но через несколько месяцев болезнь вернулась с утроенной силой. Теперь он лежал под капельницами, весь в синяках, без единого волоска. В девять лет, прикованный к постели, он спрашивал, умирает ли, и полностью осознавал безысходность.

Да, он умирал.

— Нет, ты не умираешь. — Адам постарался, чтобы голос звучал спокойно. — Тебе нужно просто закрыть глаза и уснуть. А когда проснёшься, рядом будут твои родители, и они скоро смогут забрать тебя домой.

— И я снова буду ходить? И мне не будет больно?

— Да, всё так и будет. Я тебе обещаю. Закрой глаза.

Макс послушно опустил веки, и Адам положил ладонь ему на голову. Мальчик почувствовал резкий прилив тепла. На руке Адама вены засветились золотом, и свечение растекалось вверх, к голове. Когда оно дошло до лица, его глаза ярко вспыхнули, как два маленьких солнца. Через несколько мгновений Адам убрал руку.

Макс уже спал. Он проспит до самого утра, а когда

проснётся, будет чувствовать себя здоровым. Врачи назовут это чудом. Адам передал ему почти сорок лет жизни — те, что самоубийца не успел прожить. Он улыбнулся в темноте. Это и правда было чудом.

Эмили и Филипп вернулись.

— Вот, возьмите, доктор. — Эмили протянула стаканчик с дымящимся кофе. — У вас тоже будет долгая ночь.

— Это мне точно не помешает. Спасибо. — Адам улыбнулся. — Я, пожалуй, продолжу обход. Ваш сын крепко спит. И вы постарайтесь хоть немного поспать. Доброй ночи.

— Спасибо вам за всё. Доброй ночи.

Эмили подошла к стульчику и села рядом с сыном.

В Стоун-Хейвене уже несколько недель только и говорили о чуде, случившемся в «Тихой гавани». Адам взял недельный отгул в хосписе, чтобы не привлекать к себе внимания. Нужно было сосредоточиться на основной работе.

Он подрабатывал там около полугода. За это время шестеро безнадежных детей необъяснимым образом пошли на поправку. И всякий раз в его ночные смены. Слишком очевидно. Слишком опасно.

«Приедут военные, заберут на базу, начнут резать. Безумные учёные, безумные эксперименты, как в дешёвом кино».

Он усмехнулся собственным мыслям.

Чувствовал себя Адам на удивление хорошо. Флешбеки самоубийцы наконец отступили. За эти две недели он погло-

тил только пожилую пару. Они задохнулись во сне при пожаре на другом конце города, ещё до того, как пламя добралось до них. Успей огонь уничтожить тела и он не забрал бы почти тридцать лет жизни. Тех самых, что передал очередному ребёнку в «Тихой гавани».

Эти две недели Адам не притрагивался к бутылке и спал как младенец. Всё было замечательно.

На работу он собирался раньше обычного. Ник позвонил ещё ночью и сказал, что на столе пара студентов из соседнего города. Погибли в аварии. Шериф передал, что родители хотят поскорее забрать тела, попрощаться и проводить в последний путь.

Адам не стал спорить ни секунды. Через час он уже был на месте.

— Доброе утро! — Ник приветливо улыбнулся, дожёвывая чизбургер. Вторую половину он бережно положил на стол за стойкой. Медицинская пижама на нём сидела так плотно, словно в любой момент могла разойтись по швам. На груди пристроились небольшие тёмные пятна от фастфуда.

— Доброе. — Адам кивнул. — Что у нас?

— Кейси Миллиган, двадцать лет, и Брайан Хетфилд, двадцать один. — Ник проглотил остатки чизбургера и протянул папки. — Ехали с вечеринки и на огромной скорости врезались в дерево.

— Жалко ребят. — Адам посмотрел на фотографии по-

гибших. — Шериф когда подъедет?

— Через пару часов. — Ник вытер губы тыльной стороной ладони. — С их родителями приедет на опознание. Хотя они и так уже знают: документы были при них. Надеюсь, обойдётся без лишних драм.

— К такому нельзя подготовиться. — Адам покачал головой и закрыл папку. — Ладно, я в холодную. Предупреди, когда они будут здесь.

— Есть, сэр! — Ник шутливо козырнул и отправил остатки чизбургера в рот.

Адам закрыл за собой дверь секционной. На столах уже лежали два тела, накрытые простынями.

«Ладно, сегодня нужно побыстрее закончить и пойти за подарками».

Родители Макса пригласили Адама на рождественский ужин. Они узнали, что семьи у него нет и Рождество он собирался встречать один в своей квартире. Заодно хотели отметить вместе чудесное исцеление сына. Раньше не получилось, так как в первую неделю после выздоровления Макса у Адама было много дел, а потом они улетели отдыхать в тёплые края. Но сегодня возвращались, и Макс с нетерпением ждал их встречи.

Адам подошёл к покойным и снял простыни.

На столах лежало то, что ещё пару часов назад было парнем и девушкой. У него вмятина от руля на груди и пусто-

та в глазнице. У неё неестественно выгнутая шея и перелом бедра, торчащий из-под кожи. В её волосах осколки стекла, а на раздробленной кисти новенький браслет. Рядом с телами пахло кровью, сталью и смертью.

Адам приложил руку к окровавленной голове парня и закрыл глаза. Картинки в голове пролетали с огромной скоростью, но он мог разглядеть каждую из них детально.

Парень заканчивает колледж, устраивается на хорошую работу, женится на девушке, но не на той, что лежит на соседнем столе. Рождение детей и их школьный выпускной. Повышение, выход на пенсию и смерть в кругу семьи. Идеальный конец.

Затем он коснулся головы девушки. Она счастливо выходит замуж. Беременность. Ранняя смерть мужа. Рождение ребёнка. Антидепрессанты. Потеря рассудка и вскрытые ножницами вены в туалете психиатрической лечебницы.

Открыв глаза, Адам смотрел на них и молчал. Подождав немного, он снова закрыл глаза, позволив их будущим жизням разлиться по телу. Спать будет не слишком плохо. Смерть была мгновенной.

«А что насчёт меня? Если бы кто-то увидел мою жизнь со стороны, то решил бы, что лучше вовсе не появляться на свет. Я бы точно не стал. Будущее? Я не строю планов дальше чем на день. С такой позицией мало кто захочет существовать, а я существую. Люди привыкли планировать, вспоминать, загадывать, но только не жить сейчас. Поэтому на

смертном одре всем так страшно. Они думают, что чего-то там не успели. А если жить настоящим — ещё как успеешь. Я уже успел. И порой никакого желания продолжать нет».

Адам смотрел в одну точку, потирая руки.

«А умру ли я вообще?»

Дрожь прошла по телу, но не от холода секционной. Изнутри. Из самой души. Эта мысль пугала его каждый раз.

«Кто я? Я хотя бы человек?»

Он всё глубже уходил в свои мысли, растворяясь в них.

Тяжёлые шаги эхом разнеслись по коридору, выводя Адама из ступора. Кто-то очень спешил в секционную. Дверь распахнулась, и на пороге появился запыхавшийся Ник.

— Шериф Харт звонил, — выдавил он, хватая ртом воздух.

Адам удивлённо посмотрел на него:

— Ты чего? Что случилось?

— Трагедия. На въезде в город автобус с людьми пробил ограждение и упал со скалы. Выживших нет. Шериф вызывает тебя в среднюю школу.

В секционной повисла тишина.

— Господи, — выдохнул Адам. — Сколько?

— Семнадцать, — Ник сглотнул.

Адам смотрел на него, будто надеясь, что Ник сейчас шутит. Для небольшого городка это была самая настоящая трагедия.

Через несколько часов спортзал средней школы был неузнаваем. Едкий формалин, смешанный с мокрым брезентом, перебивал запах пота и древесины. С баскетбольных колец свисали провода прожекторов, отбрасывая резкие тени на ряды раскладушек, накрытых оранжевыми пластиковыми саванами.

Адам, втиснутый в команду из пяти незнакомых патологоанатомов из Траверс-Сити, чувствовал себя маленьким винтиком на огромном конвейере. Здесь не было его привычной тишины и выверенного годами ритма. Был только беспристрастный и бездушный конвейер смерти. Его маленький морг на Блэк-Спрус-роуд теперь казался тихой, забытой Богом бухтой среди этого кошмара.

Нужно было работать. И ещё украдкой, под предлогом повторного осмотра, успеть коснуться каждого тела, пока остальные будут заняты делом.

Адам не знал, готов ли он прочувствовать столько смертей и сможет ли поглотить столько жизней. Не факт, что хотя бы половина погибла мгновенно. А значит, боль, страх и агония будут ждать его каждую ночь.

Пока вся команда работала с телами в первом ряду, Адам подошёл к раскладушке подальше от всех и открыл мешок. Тело мужчины лет пятидесяти лежало в той позе, какую ожидаешь после такой гибели: сломанная шея, раздробленная грудная клетка, рука, вывернутая в неправильную сторону.

Адам встал спиной к коллегам, осторожно приложил ла-

донь к голове мужчины и закрыл глаза.

Ничего.

«Что за?..»

Он убрал руку и приложил снова, но результат был тем же. Пустота.

Тогда он подошёл с другой стороны, придавил пальцем фиолетовое пятно на боку. Оно побледнело и медленно, как густой сироп, возвращало цвет. Такие пятна не успевают сформироваться за минуты падения. Адам сделал разрез над сломанным ребром, но под кожей не было буйного синяка — лишь тусклое вишнёвое пропитывание. Будто кровь не хлынула в травму, а тихо сочилась в уже безжизненную ткань.

Он распилил бедренную кость, и на изломе костный мозг оказался не алым, а бледно-жёлтым, восковым. Ни единого свежего кровоизлияния. Кость сломалась, как сухая ветка.

«Странно».

Адам решил взглянуть на сердце. Он достал его, но смотрел на дряблый мешок, полный тёмной крови. Не сжатый кулак, а пустая перчатка. В крови плавали бледные студенистые сгустки, которые образовались в тишине, пока тело ещё не падало. Ни кровоизлияний, ни шока. Сердце просто остановилось. Задолго до удара.

Адам сделал вывод, что все эти страшные переломы, разрывы и вывихи — это посмертный грим, нанесённый ударом о землю. Человек был мёртв, когда автобус начал падение.

«Теперь понятно, почему я ничего не увидел. Его сердце

просто остановилось. В таком возрасте в наше время это не редкость».

Собрав анализы и заполнив бумаги, Адам перешёл к следующему мешку. Внутри лежал мужчина лет тридцати, крепкого телосложения. С такими же травмами, такая же картина.

Он подошёл к голове, коснулся лба — и снова ничего.

— Что?! — вырвалось у него вслух, и он отошёл от тела.

Члены команды обернулись на его голос, но Адам жестами показал, что всё в порядке. Они кивнули и продолжили работу, а он мысленно приказал себе успокоиться.

«Не привлекай внимание».

Адам пытался напоминать себе держать себя в руках, но пальцы всё ещё подрагивали, когда он сжимал их в кулак. Тревога сдавила грудь, не давая вздохнуть. Ему казалось, что включились не только человеческие инстинкты, а ещё и животные орали на полную.

Он заставил себя подойти к телу. Ладонь легла на голову трупа. Пустота. Кромешная тьма. Ничего.

Адам стиснул челюсть, чтобы не отдернуть руку, и, медленно убрав её, перешёл к следующему мешку. Коллеги были увлечены работой, и на него никто не смотрел.

Он расправил мешок. Женщина с лицом, полностью изуродованным падением. Чуть за тридцать. Адам коснулся её виска и снова ничего.

Озноб прокатился по спине, сковал плечи, а ноги ста-

ли ватными. Паника поднималась откуда-то из живота. Ещё чуть-чуть и она выплеснется наружу, заставит его бежать из этого проклятого спортзала.

Адам вцепился пальцами в край раскладушки, чтобы устоять, и сделал глубокий вдох. Он опустил руки, разжал побелевшие костяшки, подошёл к очередному телу и открыл мешок.

Воздух кончился, ноги подкосились, и Адам еле удержался, вцепившись в борта. Тело вдруг стало невыносимо тяжёлым, будто кости налились свинцом. Желудок сжался. Ещё немного и вырвет.

Адам зажмурился, но слёзы уже было не остановить. Опершись руками о края, он опустил голову. Слёзы падали на деревянный пол, и мокрое тёмное пятно под ним росло.

— Господи, прошу тебя, только не это, умоляю, — голос Адама дрожал и срывался. Он сдерживал себя из последних сил, чтобы не закричать.

Но Бог, если и был, то точно не здесь. Такого он допустить бы не смог.

Макс замороженно смотрел в окно, следя, как пейзажи сменяют друг друга. Эти края зимой были невероятно красивы. Сосны стояли в снежных шубах, скалы обледенели и сверкали на солнце, а огромные снежинки медленно падали на землю, кружась в воздухе. Озеро давно промёрзло, и вдалеке виднелись маленькие фигурки рыбаков, рассыпанные

по льду, словно зёрна.

Мальчик радовался каждому мгновению и находил прекрасное в любой мелочи. Ничто больше не казалось ему незначительным. Всё имело свою цену.

Макс сидел, прижавшись носом к холодному стеклу. Он убрал лицо и увидел круглый отпечаток в центре запотевшего окна. Мальчик поднял руку, нарисовал вокруг него ровный круг, поставил две точки и добавил улыбку. Хихикнув, стёр рисунок ладонью и снова подышал на стекло, чтобы нарисовать ещё что-нибудь.

Неожиданно автобус съехал на обочину и остановился. Пассажиры недовольно зашептались, потому что следующая остановка должна была быть уже в городе. Макс залез на сиденье и на коленях развернулся назад. Прямо за ним сидели родители. Мама спала, положив голову на плечо отца, а тот устало оперся на окно и тоже дремал.

Дверь автобуса открылась, и в салон вошёл человек. Весь в снегу, в чёрной куртке с капюшоном, под которым низко, почти на самые глаза, была надвинута кепка. Он протянул водителю купюру и, не дожидаясь сдачи, направился в конец автобуса.

Макс попытался рассмотреть его лицо, когда тот проходил мимо, но человек быстро прошёл, опустив голову, оставив за собой лишь шлейф холодного воздуха. Он словно напоминал, что за стенами автобуса не только сказочные пейзажи, но и безжалостная холодная зима.

Мама и папа спали, так и не обратив внимания на остановку. Автобус тронулся, и до Стоун-Хейвена оставалось не больше получаса.

Макс уже рисовал в голове встречу с лучшим другом и невольно улыбался. Ему нужно было столько всего рассказать Адаму, поделиться впечатлениями за большой кружкой чая и тем вкусным печеньем, которое мама обязательно испечёт по приезду.

Спустя некоторое время Макс услышал какое-то движение за спиной. Он повернулся и увидел, что человек в капюшоне уже шёл по салону обратно. Он подходил к пассажирам, касался их голов, и они словно засыпали. В задней половине автобуса все уже сидели, уронив головы на грудь.

Макса охватила тревога. У него засосало под ложечкой, и он отвернулся. Страх нарастал с каждой секундой. Он решил разбудить родителей, но когда повернул голову, уткнулся взглядом прямо в чёрную куртку.

Мальчик медленно поднял глаза.

Человек смотрел на него и улыбался. Белки его глаза были налиты кровью, а зрачки чёрные, но блестели так, будто вместо них было вулканическое стекло.

Макс обернулся к родителям, но они всё так же спали, только теперь их головы были опущены ещё ниже, и от покачивания автобуса они безвольно мотались из стороны в сторону.

Он снова посмотрел на незнакомца и хотел закричать, но

человек поднёс палец к губам и тихо зашипел.

Макс застыл, глядя в его чёрные глаза.

Человек медленно положил руку ему на голову, и мальчик резко обмяк.

— Останови здесь, — сказал человек, повысив голос, чтобы водитель услышал его сквозь шум двигателя.

Водитель покосился в зеркало заднего вида и продолжил следить за дорогой.

— До города пара минут всего, парень. Тут опасный участок, у скалы...

— Я сказал — останови, — его голос стал жёстче. Короткая пауза, и он добавил тише, но с той же стальной ноткой: — Пожалуйста.

Водитель не стал спорить. Сбавил скорость, съехал на обочину, поставил автобус на ручник и открыл дверь. Холодный воздух тут же ворвался в салон.

— Спасибо, — бросил человек, и в этот момент он уже стоял рядом с водительским сиденьем.

Водитель повернулся, чтобы что-то сказать, но не успел. Рука незнакомца коснулась его лба, и он обмяк, уронив голову на грудь.

Человек перегнулся через сиденье и опустил ручник. Автобус вздрогнул и медленно покатился под уклон.

Незнакомец выскочил наружу легко, будто пританцовывая, и встал на обочине, глядя, как машина набирает скорость.

Автобус нёсся прямо к ограждению и, пробив его, словно прорвав границу с жизнью, рухнул со скалы вниз.

— Ты знал его? — спросил Харт.

Адам не ответил. Он стоял, опустив голову и опершись руками на раскладушку.

— Адам!

Голос шерифа прогремел в спортзале. Вся команда обернулась. Адам поднял голову и, увидев Харта, вытер слёзы. Шериф, не обращая внимания на удивлённые взгляды, поднял руку и жестом показал коллегам, что всё в порядке. Те, пожав плечами, повернулись к своим столам.

Джон Харт был мужчиной среднего роста, сухощавым. Ему всего около пятидесяти, но волосы почти полностью поседел, а лицо избородили глубокие морщины. Он почти никогда не улыбался, но и злым его нельзя было назвать. Справедливый, честный и полностью отдавал себя работе.

— Ты знаешь его? — повторил Харт тише.

— Да, — голос Адама сел. — Макс Брайт. Он был моим пациентом.

Харт удивлённо вскинул брови.

— В «Тихой гавани». Я там подрабатываю по ночам.

— А, ну да. Я уж думал... — Харт махнул рукой. — Не важно.

Адам указал на соседние раскладушки:

— Его родители. Эмили и Филипп Брайт.

Он понял, что перед тем как увидеть тело Макса, он осматривал тела его родителей. Филиппа он не узнал без очков, да и в очках вряд ли сразу бы понял, кто это. Они виделись редко, и состояние сына Адам с ним не обсуждал. По всем вопросам он общался в основном с мамой Макса, так как она почти не покидала «Тихую гавань». А Эмили узнать было попросту невозможно из-за страшных повреждений лица.

— Вы были близки? — Харт шагнул ближе.

— Да, — Адам сглотнул. — Думаю, да.

Слёзы покатались снова.

— Так, — Харт положил руку ему на плечо. — Пошли отсюда. Ребята из округа сами справятся.

— Но я...

— Не спорь. Это приказ.

Адам перевёл взгляд на Макса в последний раз, погладил его по голове и молча пошёл за шерифом.

Перед школой уже толпились репортёры, местные и приезжие. Полиция выставила оцепление, не пропуская никого за жёлтую ленту. Со всех сторон стояли зеваки, наблюдая за работой и громко обсуждая. Все, кто проходил мимо, останавливались и подходили узнать, что случилось. Толпа росла как снежный ком. Кто-то спорил с полицией, кто-то кричал, размахивая руками.

«Должно быть, родственники погибших».

Полиция пока не выступала с заявлением. Список жертв

ещё не опубликовали. Никто не знал, были ли там их близкие, но все знали точно, что выживших нет. Этого было достаточно.

— Значит так, — Харт перевёл взгляд с толпы на Адама. — Иди домой. Отдохни, выспись, а после праздников зайдёшь ко мне в кабинет. Там и поговорим. Договорились?

— Договорились.

Харт смотрел в его красные глаза и на измученное, бледное лицо, мокрое от слёз. Адам смотрел куда-то в сторону, сквозь толпу и этот бесконечный день. Казалось, что внутри у него ничего не осталось. Только пустая оболочка.

— Послушай, — Харт положил руку ему на плечо, помолчал немного, подбирая слова, и продолжил: — Я понимаю, тебе сейчас... В общем, если что, звони. Если поговорить надо будет.

Адам молча стоял, смотря себе под ноги.

— Ладно? — Харт легонько тряхнул его за плечо.

— Хорошо, шериф. Я понял, — Адам поднял глаза и посмотрел на Харта.

— У тебя есть кто-то, кто сможет побыть с тобой?

— Есть. Не переживайте, — он сразу же подумал о Нике.

Харт кивнул.

— В такие моменты лучше не быть одному. Мысли, они знаешь... затягивают. — Харт помолчал. — Не потеряй себя, парень. Ты нам нужен.

— Я понял. Мне пора, — Адам отмахнулся и пошёл к

оцеплению.

— Адам! — крикнул Харт ему вслед. — Береги себя!

Тот шёл не оборачиваясь и не сбавляя шага.

«Невозможно потерять то, что так и не нашёл».

На улице крупными хлопьями падал снег. Ветра почти не было, снежинки кружились в медленном танце. Деревья возле школы украшали гирлянды, на окнах узоры и ёлочки, пластиковый Санта в санях с оленями. Куда ни глянь — атмосфера праздника, уюта, веселья. И ни намёка на ужас, пришедший сегодня в город.

Этот день журналисты окрестят «Чёрным Рождеством Стоун-Хейвена».

Адам почувствовал, как его тело трясётся, но веки будто налились свинцом, и глаза открыть он не смог.

«Что за?..»

Тряска прекратилась, но в тот же момент последовал удар по лицу. Он с трудом поднял веки и сквозь пелену увидел склонившегося над ним Ника.

— Ник? — голос не слушался, выходил сиплым, чужим.

— Ты что... Что ты здесь делаешь?

— Господи! — Ник выдохнул с облегчением и крепко обнял его, прижимая к себе. — Я тебя тряс минут пять, а ты не просыпался. Думал уже можно нести в холодную.

— Что ты здесь делаешь? — повторил Адам, пытаясь сфокусировать взгляд на Нике.

Голова раскалывалась так, будто по ней били молотком. Тело знобило, а щека горела от удара Ника.

— Твой сосед снизу позвонил, — Ник присел на край кровати и устало выдохнул. — Он услышал крики и звуки бьющегося стекла. Подумал, что убивают кого-то, и пошёл проверить. Дверь была приоткрыта, а ты лежал на полу. Он нашёл твой телефон и позвонил мне.

Адам зажмурился и сжал голову руками, пытаясь унять пульсирующую боль. Он резко приподнялся, и его вывернуло в ведро, которое Ник уже предусмотрительно поставил рядом.

Ник молча похлопал его по спине, дождавшись, пока Адам закончит.

— В телефоне у тебя только два контакта, — сказал он тихо. — Я и...

Адам замер, забыв о тошноте и головной боли. Сердце больно ударилось в грудь.

— Макс, — Ник договорил почти шёпотом. — К нему он не дозвонился.

Адам долго молчал, глядя в одну точку на стене. Потом перевёл взгляд на друга и прохрипел:

— Не надо было приходить. Я в порядке.

— В порядке? — Ник оглядел комнату, заваленную пустыми бутылками, скомканным бельём и осколками стекла на полу. — Дружище, если тут такое творится, то я боюсь даже представить, что там у тебя в голове.

— Полежу, оклемаюсь.

— Я знаю, что случилось, Адам. — Ник замолчал, подбирая нужные слова. — Мне очень жаль. Это всё несправедливо — и к Максу, и к тебе. Да и вообще ко всем.

— Хватит, — Адам мотнул головой, не желая больше говорить об этом.

— Ладно, — Ник встал с кровати. — Тогда я сварю кофе и приберусь тут немного.

— Иди домой. Я сам справлюсь.

— Я тебя не слышу, — Ник улыбнулся своей тёплой улыбкой, похлопал его по ноге и направился на кухню.

Адам проводил его взглядом, наблюдая, как друг включает кофеварку и возится с чашками. Закрыв глаза, он откинулся на подушку.

Через минуту по квартире поплыл тёплый, домашний и почти забытый запах свежесваренного кофе.

«Ладно. Одна чашка мне точно не помешает».

Несколько дней спустя Адам шёл на ночную смену в «Тихую гавань» по заснеженным улицам Стоун-Хейвена. Снег громко скрипел под ногами, а мороз обжигал лицо. Фонари освещали дорогу, но метель закрывала весь обзор.

Адам еле удержался, чтобы не уйти в запой. Ник очень помог и привёл его в чувства. Он сам связался с Томом, сменившим Адама, и попросил выйти того пораньше, чтобы заменить друга на пару дней. Тот согласился, не выпытывая

причин. Но смену в «Тихой гавани» Адам пропустить не мог. Он был нужен детям, а они нужны ему, чтобы хоть как-то цепляться за смысл своего существования.

Закончив вечерний обход, Адам собрал детей в игровой. Он сел на мягкий ворсистый ковёр вместе с ними.

— Добрый вечер, ребята, — он широко улыбнулся.

— Добрый вечер, доктор Адам! — радостно закричали они хором.

Дети обожали его и ждали каждую смену с нетерпением.

Адам искренне улыбался. В моменты, когда нет смерти, страха и боли, а есть только детские улыбки и радость, его душа жила.

— Итак, — он обвёл глазами детей. — Как думаете, чем мы сегодня займёмся?

Девочка тянула руку так высоко, будто собиралась взлететь.

— Давай, Лиззи.

— Мы будем смотреть мультфильм! — выпалила она.

Дети радостно закричали и захлопали. Их смех разлетался по коридорам хосписа, неся с собой слабые ниточки надежды.

— Русалочка! Том и Джерри! Дятел Вуди! — перекрикивали друг друга дети, будто верили, что победит тот, чьё название прозвучит громче.

— Так, ребята, тише, тише, — Адам пытался успокоить их, не переставая улыбаться. — Для мультфильма уже позд-

но. Вы устали, и вам скоро нужно идти спать.

— Нет! Не спать! Мульттики! — кричали дети, не желая снова оставаться в одиночестве в своих палатах.

Их можно было понять. Они целыми днями на процедурах, осмотрах и под капельницами. Им больно, страшно, и времени побыть детьми почти не оставалось.

— Давайте так. Посмотрим мультфильм, но только завтра.

Он сразу получил море детской критики и терпеливо подождал, пока они немного затихнут.

— Давайте поговорим о мечтах.

Дети быстро затихли, и в их глазах загорелся огонь.

— О чём вы мечтаете больше всего? Давайте начнём с Билли.

Билли вскочил и изобразил классическую позу бодибилдера.

— Я мечтаю стать терминатором, когда вырасту! — голос он сделал грозным, по крайней мере ему так казалось.

Дети захлопали, и Адам засмеялся. Он был именно там, где его душе было нужно.

Мальчик сел, и руку потянула Лиззи. Адам кивнул ей, и она поднялась с ковра.

— А я мечтаю стать принцессой. Хочу носить красивые платья и ходить с принцем на бал.

Девочка обняла себя руками и закружилась. Внезапно, не удержав равновесие, она мягко шлёпнулась на пол. Дети громко засмеялись, и Лиззи нахмурилась, но почти сразу

влилась в общий смех.

— Ты и так уже принцесса. Можешь выбрать другую мечту.

Стэн подмигнул ей, и бледное от болезни личико девочки вдруг стало наливаться красками. Она улыбнулась и опустила голову.

— Можно мечтать о многом, — Адам наслаждался моментом. — Необязательно иметь только одну мечту.

Молодые медсёстры заглядывали в игровую. Они смотрели, как почти увядшие цветы жизни оживают, пусть и на короткое время. Неважно, что будет потом. Главное, чтобы этот миг продлился ещё хоть немного.

— Так, теперь... — Адам водил глазами по кругу и увидел маленькую Марию. Она неловко тянула ручку, всю в синяках и с пластырем. — Мария! Давай ты.

— Доктор Адам, — голос девочки дрожал. — А Макс теперь в раю?

В комнате стало так тихо, что Адам слышал, как колотится его сердце. Дети посмотрели на Марию, а потом перевели взгляд на него.

Его улыбка погасла. Он попытался вернуть её, но ничего не вышло.

— Да, милая, — голос сел, и ему пришлось прокашляться. — Макс в раю.

— И мы тоже уйдём в рай? — спросил Билли.

— Все хорошие люди попадают в рай, ребята, — Адам

смог улыбнуться.

— А мы хорошие? — глаза Марии блестели.

— Вы самые лучшие.

В тот вечер никто не ушёл спать в палаты. Они надели пижамы, притащили подушки и одеяла в игровую. Постелились на ковре и смотрели «Тома и Джерри» вместе с Адамом. Дети проголосовали, что этот мультфильм звучал громче остальных.

Глава 2

17А, Блэк-Спрус-роуд, Стоун-Хейвен

хоспис «Тихая гавань»

29 декабря 2025 года

— Мы всегда рады новым сотрудникам, тем более с таким потрясающим резюме, — доктор Кларк положил перед собой папку и заглянул в неё. — Мисс Рейнолдс.

— Можно просто Амелия, — девушка чуть заметно улыбнулась уголком рта.

— Хорошо, Амелия, — он провёл рукой по седым волосам, уложенным на бок. — Последние пять лет вы работали в «Леммен Холтон», Гранд-Рапидс. С таким опытом могли бы получить работу в любом из учреждений Мичигана.

— Всё верно.

— Так почему Стоун-Хейвен?

— Знаете, в больницах Мичигана пахнет хлоркой и отчаянием, — Амелия чуть склонила голову, будто прислушиваясь к чему-то. — А здесь соснами и надеждой. Мне казалось, после всего, что я там видела, я перестану чувствовать. А здесь, в этой тишине, снова начну. Хочется научиться у вас этому.

— Хорошо, — Кларк похлопал ладонью по папке. — Вы нас полностью устраиваете. Надеемся на долгое и взаимовыгодное сотрудничество.

Он резко встал, подвинув животом стол, и с улыбкой протянул руку. Для своих шестидесяти он двигался довольно резво.

— Спасибо, доктор Кларк, — девушка пожала ему руку.

— Если вы готовы, то можете выходить с понедельника.

А пока отдыхайте и смотрите наш уютный маленький город.

— Хорошо. Буду в понедельник. Ещё раз спасибо.

— Мы с отцом каждую осень ходили тетеревов стрелять,

— Ник говорил, прихлёбывая пиво. — Птичка такая, чуть больше голубя. Мясо очень вкусное и нежное. Мама рагу из него делала такое, что пальчики оближешь. Так вот. Я мальчишкой был, совсем ещё сопляк. Бродим мы по лесной дорожке, прислушиваемся к каждому треску, шелесту. — Он тихонько отрыгнул и продолжил: — У меня в руках лёгкий дробовик двадцатого калибра, и руки уже знатно затекли. Хоть он и весит не больше семи фунтов. Но я же мальчишкой был. Понял, да? — Он сделал глоток пива. — Мы шли уже не первую милю, и вдруг отец остановился. Он обернулся, посмотрел на меня, и тут эта тварь вылетает у меня из-под ног. С таким звуком... слышал, как газонокосилка заводится? Ну вот. Я обделался по полной и выстрелил. Меня отдачей к земле прибило. Но знаешь что? Я попал! — Он усмехнулся. — Отцу в зад!

Ник расхохотался.

— После того как мама достала всю дробь из его мягкого

места, я получил по первое число.

Адам смотрел куда-то в сторону, погружённый в свои мысли. Ник махнул рукой перед его лицом, но Адам даже не моргнул.

— О чём думаешь? — спросил Ник.

— Рождество, — тихим голосом ответил Адам.

— Что Рождество? — нахмурился Ник.

— Прошло три недели, а Харт всё ещё не звонил. Мне нужно увидеть заключения вскрытий.

— Зачем? Там ведь и так всё понятно.

— Некоторые моменты показались мне... — Адам замаялся и опустил взгляд на стол. — Не бери в голову.

— Как скажешь, — Ник пожал плечами. — Ещё по одной?

— Это уже восьмая пинта, — Адам отодвинул пустой бокал. — Может, по домам?

— Нет, дружище, ты ещё не развеялся.

В пабе былолюдно и душно. Единственный кондиционер, разумеется, не справлялся, и помещение почти не освещалось. Людей за соседними столиками было не разглядеть. Воздух пропитался весельем, алкоголем и сигаретным дымом, и ко всему этому примешивался запах потерянных судеб. Не самые лучшие сочетания, но именно они заставляли всех возвращаться сюда снова и снова.

— Ладно, давай ещё по одной и спать, — согласился Адам.

— Есть, сэр, — Ник сглотнул отрывку и приложил ладонь

к виску.

Паб «Старый лось» стоял у самого леса, среди высоких сосен, на другом краю Стоун-Хейвена. Это было маленькое строение из толстых деревянных брусьев с такими крохотными окошками, что даже днём свет едва просачивался внутрь. От здания, особенно ночью, будто исходил пар, и казалось, что это не паб, а какое-то невиданное живое существо.

— Тебе что взять? — Ник встал из-за стола.

— Пинту лагеря.

Адам выпрямился и опёрся на спинку стула. Он наблюдал, как его огромный друг, слегка пошатываясь, пробирается к стойке и уворачивается от людей, стараясь никого не задеть.

Внезапно перед Адамом выросла фигура, заслонившая собой Ника.

Он поднял глаза и увидел молодую девушку. Чёрные распущенные волосы, рассыпанные по плечам, в полумраке паба отливали синевой. Она шагнула ближе, и лампа, ронявшая слабый свет на её лицо, заставила заблестеть её яркие зелёные глаза — редкость при таких тёмных волосах. Девушка чуть склонила голову набок, разглядывая его.

— Здравствуйте, доктор Морс, — она с улыбкой протянула руку. — Амелия Рейнолдс. Я новая медсестра в «Тихой гавани».

Адам неуверенно пожал её руку. Её ладонь была тёплая, пальцы тонкие, но рукопожатие уверенное.

— Здравствуйте, мисс Рейнолдс. Да, я слышал о вас.

— Надеюсь, только хорошее? — она чуть приподняла бровь.

— Пока не жаловались, — Адам позволил себе лёгкую улыбку.

— Я иногда вижу вас, когда вы уходите с ночной смены, — она убрала прядь волос за ухо, открывая линию скулы. — Заметила вас здесь и решила подойти. У меня только дневные смены, и другой возможности могло бы и не представиться.

— И как вам здесь? Успели освоиться?

— Пока ещё знакомлюсь с городом. Доктор Кларк посоветовал пару мест, но этот паб он особенно рекомендовал.

— Не самое лучшее место, в которое стоит ходить одной, — Адам покачал головой.

— Вы тоже один, — она ухмыльнулась.

В этот момент к столику подошёл Ник с двумя пинтами в руках.

Бросив взгляд на Амелию, он застыл на месте. Его челюсть слегка отвисла, и глаза округлились. Несколько секунд он просто стоял, моргая, а его лицо медленно наливалось кирпичным оттенком.

— Может... пивка? — выдавил он наконец, глядя на неё, как на восьмое чудо света.

— Нет, спасибо, я со своим, — она улыбнулась и приподняла бокал с коктейлем.

Ник завис, глядя на неё, и его руки сами собой расслабились. Бокалы наклонились, и пиво ручейками потекло по

пальцам на пол, попадая прямо на её туфли.

— Ник, пиво! — строго сказал Адам.

Ник дёрнулся, выходя из ступора, вернул бокалы в вертикальное положение и с грохотом поставил их на стол, расплескав половину. Он спешно схватил со стола все салфетки, до которых смог дотянуться.

— Ой... простите, мисс, — он присел, собираясь тереть её обувь. — Я сейчас всё уберу.

— Не нужно, — Амелия сделала шаг назад, едва сдерживая смех. — Всё хорошо.

— Ник, — Адам перевёл взгляд с покрасневшего друга на девушку. — Это Амелия Рейнолдс. Она недавно приехала в Стоун-Хейвен.

Ник выпрямился, вытер мокрые руки о джинсы и протянул ладонь.

— Мисс Рейнолдс, это Ник Брукс, мой коллега из «Старой скорой».

— «Старой скорой»? — девушка пожала руку Ника, глядя ему в глаза без тени насмешки, хотя в уголках губ дрожала улыбка.

— Это морг, — кратко пояснил Ник. — Раньше там была скорая помощь.

— Так вы ещё и в морге работаете? — она перевела взгляд на Адама. В глазах мелькнуло любопытство, без тени брезгливости.

— В основном там и работаю, — голос Адама стал более

сухим. — В «Тихой гавани» я только подрабатываю.

— Адам вообще отличный парень, — Ник, обретший почву под ногами, обнял друга за шею и слегка придушил. — Он самый лучший судмедэксперт.

— Достаточно, — Адам мягко освободился от захвата. — Ты перебрал.

— Я, пожалуй, пойду, — Амелия слегка улыбнулась, поправляя сумку на плече. — Уже поздно, а завтра рано вставать. Было приятно познакомиться, доктор Морс. И с вами, Ник.

— Доброй ночи, — кивнул Адам.

— Спокойной ночи, мисс Рейнолдс, — Ник по-детски помахал ей.

Она направилась к выходу, и Ник проводил её взглядом до самых дверей.

— Умеешь ты произвести впечатление, — Адам покачал головой, глядя на друга.

Ник плюхнулся на стул, взял свою пинту, отхлебнул сразу половину и выдохнул:

— А она хорошенькая.

Адам отмахнулся и взял свой бокал.

— Давай заканчивать и по домам.

Озеро Шаста, Северная Калифорния

19 июля 2003 года

— Адам. А-а-ада-а-ам, просни-и-ись.

Он открыл глаза и увидел маму. Светлые, как солома, волосы аккуратно лежали на её плечах. На красивом круглом лице сияла улыбка, обнажая ямочки на щеках, а чуть вздёрнутый нос и пухлые губы добавляли образу ангельские черты. Она сидела на переднем сиденье, развернувшись к нему в полоборота. Солнце ярко светило в лобовое стекло, так что маму было почти не видно — только лучи били ей в спину и, расплываясь по телу, рисовали сияющий силуэт.

— Просыпайся, соня, — с улыбкой сказала она. — Мы почти приехали.

Адам посмотрел в боковое окно. Огромное озеро уходило за горизонт и было таким ярко-синим, будто это не озеро вовсе, а упавшее на землю небо. Лучи играли на водной глади, создавая слепящий блеск.

— Вот мы и на месте. Всем покинуть корабль! — раздался с переднего сиденья голос, спародировавший пиратского капитана.

Адам засмеялся. Папа умел его рассмешить.

Он открыл дверь и выпрыгнул из машины. Вдохнул свежий лесной воздух, пропустил через себя прохладный ветерок со стороны озера и уже собрался бежать к берегу.

— Адам, — мама остановила его. — Ты не сможешь папе?

— Да, мам.

Папа уже стоял у открытого багажника. Высокий, стройный, он легко достал раскладной столик, стульчики и поста-

вил их на траву. Тёмные волосы блестели на солнце. Когда он обернулся и улыбнулся, вместе с улыбкой приподнялись аккуратные усы. Мама говорила, что они делают его похожим на голливудскую звезду.

— Ну как, сможешь донести? — он протянул сыну термос-контейнер и подмигнул.

— Я справлюсь, пап.

Адам нахмурился и двумя руками взялся за ручки. Ему было тяжело, но он старался не показывать этого.

Папа рассмеялся, подошёл и взъерошил ему волосы.

— А я и забыл, что тебе уже целых десять лет. Ты теперь совсем взрослый и сильный.

— Да, и скоро я буду сильнее тебя. Вот посмотришь.

— Ни капли не сомневаюсь, сынок, — папа подхватил одной рукой столик, другой — стулья и бодро зашагал к берегу.

Они поставили мебель почти у самой воды. Папа сразу занялся костром. Ловко сложив принесённые дрова шалашиком, он достал спички. Движения у него были уверенные и спокойные. Таким он был всегда: надёжным, тёплым, тем, на кого можно положиться.

Мама тем временем накрывала на стол. Она достала термос с кофе для себя и термос с какао для Адама, разложила сэндвичи с курицей.

Адам тут же схватил один и побежал к воде, сбрасывая на ходу кроссовки.

— Адам, не заходи далеко, дождись папу! — крикнула

мама.

— Хорошо, мама! — не оглядываясь, ответил Адам.

Родители переглянулись и улыбнулись. Папа подбросил дров в костёр и встал рядом с мамой, наблюдая, как сын заходит в воду.

Адам закатал штаны и зашёл по колени. Он стоял, ловя свежий прохладный воздух, жевал сэндвич и смотрел на блестящую гладь. В ноги ударялись маленькие волны от проезжавшей мимо моторной лодки.

Вода завораживала и будто манила к себе, плавно обволакивая ноги.

Он и сам не заметил, как оказался уже по грудь, но продолжал идти дальше.

Отец сидел рядом с мамой и грел руки у костра, краем глаза наблюдая за сыном. Он отвлёкся лишь на мгновение, но этого хватило, чтобы Адам пропал из виду. Папа вскочил и всмотрелся вдаль: голова сына виднелась слишком далеко от берега.

— Адам! — крикнул он и, не мешкая ни секунды, рванул к воде.

Мальчик услышал голос отца и, обернувшись, оступился, теряя равновесие. Голова мгновенно скрылась под водой.

Отец добежал до воды, не останавливаясь, и сразу прыгнул. Мама кричала и плакала на берегу. Папа вынырнул и изо всех сил поплыл к тому месту, где сын скрылся под гладью.

Адам не видел ничего. Вокруг была только холодная и

кромешная тьма.

«Мама, папа, мне страшно... Спасите меня... мама... па...»

Отец сделал ещё несколько сильных рывков, набрал побольше воздуха и снова ушёл под воду.

От громкого крика совсем рядом Адам открыл глаза. Перед ним всё плыло, по телу растекалась дикая усталость, приковывая к земле. Он едва мог повернуть голову.

— Не-е-е-ет! Прошу тебя! Не оставляй меня! Помогите ему! — мама кричала так, как Адам никогда раньше не слышал. Каждое слово оглушало, оставляя после себя тонкий писк в ушах.

Отец лежал на траве в метре от него. Таким он ещё не видел его — неподвижным, бледным, с закрытыми глазами. Двое мужчин в рыбацких ботах и камуфляже сидели над ним. Один зажал отцу нос и сделал выдох изо рта в рот, после посчитал до десяти и снова повторил. Второй, скрестив ладони, с усилием давил ему на грудь.

— Не-е-е-ет! Не-е-е-ет! — мама не переставала кричать, прижимая руки к сердцу.

Адам собрал последние силы, резко перевернулся к отцу и закинул руку ему на грудь. Спасатель, делавший нажатия, откинул её выше, чтобы не мешала. Тогда Адам ухватился за рубашку отца, подтянулся и прижался головой к его лицу, уткнувшись носом в холодную щёку. Он заплакал.

— Прости меня... папа... Прости... прости... прости...

Маленькая ручонка легла на вторую щёку отца, и он при-

жался сильнее. Вместо холода вдруг пришло невероятное тепло, почти обжигающее ладонь.

В голове замелькали фрагменты, будто старый фильм на плёнке, но вместо треска от смены кадров был оглушающий звон. Адам увидел себя со стороны — чуть постарше, но это точно был он. В следующем кадре у него на руках был младенец, а рядом стояла счастливая мама в больничном халате, и за её спиной он же подпрыгивал и просил показать братика. Кадр сменился — Адам сидел за столом, держал маленького ребёнка и кормил его с ложечки. Резкая перемотка, и он увидел постаревшую, но всё ещё улыбающуюся маму на крыльце, которая качала коляску, а рядом стоял он, совсем взрослый, и обнимал какую-то незнакомую женщину.

Адам дёрнулся и открыл глаза. Он посмотрел на кричащую маму, потом перевёл взгляд на свою руку, всё ещё лежавшую на щеке отца.

Вновь закрыв глаза, он с тяжестью во всём теле провалился в сон.

Адам проснулся. Над ним был знакомый белый потолок его квартиры.

Он сел на кровати и провёл ладонью по лицу. Этот сон снился ему уже сотни раз. Когда-то из-за него он просыпался в холодном поту, но теперь, посидев пару минут, встал и пошёл на кухню.

В тот день, много лет назад, маленький мальчик ещё не понимал, что впервые забрал чужую будущую жизнь. Жизнь

своего отца, которую тот не прожил из-за него. И первое будущее, которое он увидел, было увидено глазами папы.

35, Мейн-стрит, Стоун-Хейвен
офис шерифа округа Айрон-Шорс

17 января 2026 года

— Ты не удивлён? — шериф прищурился, не отводя взгляда от Адама.

Адам листал восьмое заключение и, услышав вопрос, поднял голову:

— В каком смысле?

— Причина смерти.

— Пока я вижу во всех одно и то же...

— Смерть от острой сердечной недостаточности неустановленной этиологии, — Харт договорил за него. — Дальше можешь не смотреть. Во всех одна и та же причина, я уже выучил наизусть. Получается, что они умерли ещё до падения. По крайней мере, бумаги так говорят.

Адам молчал, и в кабинете повисло напряжение.

— И что это может значить? — спросил он, изображая удивление.

— Ты мне скажи, — Харт допил кофе и с глухим стуком поставил кружку на стол. — Ты у нас спец по таким делам.

— Это новый вирус? Биологическое оружие? Что?

— Я пока не знаю.

— Адам, — шериф устало вздохнул, потёр переносицу.

— Нам нужно разобраться. И как можно скорее. Семнадцать трупов, а мы знаем только то, что автобус упал со скалы. Что было до падения — хрен его знает. Газетчики и телевизионщики раздуют всё до теории заговора или нас вообще закроют на карантин. Я не могу этого допустить в своём городе. Но и сделать ничего не могу, потому что не знаю, с чем мы имеем дело.

— Я понимаю, — Адам кивнул. — Попробую узнать про похожие случаи. Если они вообще были.

— Ладно. Если что-то нарисуетя — сразу ко мне.

— Хорошо, шериф.

Харт достал из кармана сигареты, вытащил одну, прикурил и бросил пачку на стол. Кивнул на неё Адаму. Тот отказался.

Шериф сделал несколько глубоких затяжек и стряхнул пепел в пустую кружку.

— Как ты сам, парень? — спросил он.

— Нормально.

Харт молча посмотрел ему в глаза и бросил окурок в кружку, даже не затушив.

— Я виделся с Кларком на днях. Он рассказал, как ты с детьми работаешь.

Адам смотрел, как из кружки вьётся дымок, будто там не окурок, а горячий кофе.

— Ты делаешь хорошее дело, несмотря ни на что.

— Да, может быть. Ладно, мне пора на смену, — Адам

резко встал. — Если что-то узнаю — дам знать.

— Договорились. Удачи, парень.

Харт откинулся на спинку кресла и проводил его взглядом.

Стоун-Хейвен накрывали сумерки. Адам направлялся в «Тихую гавань» по тёмным, заваленным снегом улицам и прокручивал информацию в голове, но ничего не сходилось.

«Как можно одновременно остановить сердце у семнадцати человек и не оставить при этом никаких следов?»

Затылок покалывало — точно так же, как прошлой ночью, когда он вёл Ника домой после паба. Адам старался не обращать внимания: приступы паранойи случались и раньше, вот только они не сопровождались звуками. Вчера можно было списать всё на алкоголь, хотя ему нужно гораздо больше, чем другим, чтобы опьянеть. Но сегодня он был абсолютно трезв.

Адам шёл, погружённый в свои мысли, как вдруг резкий хруст снега со стороны улицы, не освещённой фонарями, заставил его остановиться.

Он всмотрелся в темноту, но ничего не увидел. Ни души. Только ветер завывал, сметая с крыш свежевывающий снег.

— Оно придёт за тобой...

Голос прозвучал прямо у Адама за спиной.

— Твою... — Он отскочил и резко обернулся. — Мартин! Ты что творишь?! — от частого дыхания перехватило горло.

Перед ним стоял безумный Мартин, глядевший на Ада-

ма нездоровым взглядом. Он трясся и морщился так, будто сдерживал сильную боль.

— Оно придёт за тобой, — безумец не моргал. — Оно придёт за всеми нами.

— Кто придёт?

Мартин замолчал. Его губы тряслись и сжимались, будто сдерживая поток слов, готовый вырваться наружу.

Он был безобиден, но местные всё равно сторонились его. Никто не знал, кем является этот безумец, откуда он и где живёт. Мартин был просто частью Стоун-Хейвена — местной достопримечательностью. Обычно он приставал к людям и рассказывал безумные истории или просто нёс околесицу.

— Ясно... — Адам выдохнул, чувствуя, как сердце перестаёт бешено колотиться. — Ты опять наслушался проповедника на вечерней службе?

Мартин продолжал смотреть ему в глаза и морщиться.

— Покинь это место и никогда не возвращайся! — он внезапно схватился за голову обеими руками и, сорвавшись с места, перебежал на другую сторону дороги.

Адам смотрел ему вслед, пока тот не скрылся в темноте.

«Что это вообще было?»

— Доктор Морс!

Он обернулся. К нему, прикрывая лицо шарфом, спешила новая медсестра.

— Добрый вечер, доктор Морс. Идёте на смену? — она опустила шарф и устало улыбнулась.

— Добрый вечер, — Адам кивнул. — А вы куда так спешите?

— Домой. Только сейчас освободилась.

— Не поздновато ли?

— Маргарет задержала. Она любит поболтать. Я и не заметила, как простояла у стойки почти два часа, — она убрала волосы с лица, но порыв ветра тут же вернул их обратно.

— Да, в этом она мастак, — Адам слегка улыбнулся, посмотрел на часы и добавил: — Извините, мисс Рейнолдс, мне пора. Скоро вечерний обход.

— Можно просто Амелия.

— Хорошо, Амелия. Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Адам натянул капюшон и направился в сторону Блэк-Спрус-роуд.

— Доктор Морс! — окликнула его девушка.

Он обернулся — успел сделать всего несколько шагов.

— Может... — она замялась. — Мы могли бы как-нибудь выпить кофе после работы?

Адам молчал, глядя на неё. Чёрные волосы развевались на ветру, частично закрывая лицо, но в просветах блестели большие зелёные глаза.

— Извините, доктор... — она опустила глаза. — Не нужно было...

— Нет, нет, — он перебил её. — Я не против. Просто это было немного неожиданно.

— Тогда хорошо, — Амелия широко улыбнулась. — Я завтра заканчиваю в шесть и постараюсь сразу убежать от Маргарет.

— Хорошо, — Адам тоже улыбнулся. — Я к этому времени уже буду свободен. Встречу вас у входа в «Тихую гавань».

— Договорились. До свидания, доктор Морс.

— До свидания.

Девушка перешла дорогу и направилась домой вдоль тёмной стороны улицы.

— Амелия! — крикнул Адам.

Она обернулась, уже почти пропав из виду.

— Можно просто Адам.

Амелия помахала ему рукой и растворилась в темноте.

Адам постоял ещё несколько секунд, глядя ей вслед, и продолжил путь. По груди расплывалось непривычное тепло. Слишком долго он не испытывал ничего подобного.

Всю оставшуюся дорогу он провёл в раздумьях и сам не заметил, как оказался на пороге «Тихой гавани». Адам открыл дверь, шагнул внутрь и поздоровался с Маргарет. Оставив запись в журнале и уже отойдя от стойки, он вдруг остановился.

— Маргарет, как вам новая медсестра?

— Амелия? — она подняла голову и отложила ручку. — Очень хорошая девочка. Дети её любят — почти как вас. Приходит вовремя, а после смены иногда задерживается, и мы с ней болтаем. — Маргарет хитро подмигнула. — Понра-

вилаась она вам, доктор?

— Нет, — Адам усмехнулся. — Просто встретил по дороге, решил спросить.

— А она про вас спрашивала.

— Правда?

— Правда. Мне кажется, вы ей тоже приглянулись.

— Я не говорил, что она мне... — он не успел закончить.

— Идите уже, идите, дети заждались, — Маргарет улыбнулась.

После ночной смены в «Тихой гавани» Адам шёл на работу в соседнее здание. Ночь прошла спокойно, но мысли всё время возвращались к предстоящей встрече с Амелией. Соmnения давили на него.

«Достоин ли я шанса на нормальную жизнь? Таким, как я, положено нести свой крест в одиночку. Подпустить её к себе — эгоизм».

Он пытался не углубляться в раздумья. Нет ничего плохого в том, чтобы просто пообщаться, всего лишь общение, ничего больше.

Адам открыл дверь «Старой скорой», и с самого порога его встретил взволнованный Ник.

— Привет. Я тебя заждался.

— Доброе утро, — Адам настороженно посмотрел на друга. — Что случилось?

— Ты не поверишь, кто у нас в секционной.

— Кто?

— Идём.

Они прошли в секционную. Света почти не было, только в дальнем конце под бестеневой лампой на столе лежало тело, накрытое простынёй.

— Тело привезли ночью, — Ник говорил медленно. — Нашли в сугробе на Олкотт-стрит, на переходе к Блэк-Спрус-роуд.

«Вчера на смену я шёл этим же маршрутом».

Ладони вспотели, сердце забилося быстрее.

— Ник, не тяни, — голос стал нервным. — Кто там?

— Сам посмотри.

Они подошли к столу. Под тонкой тканью угадывались очертания тела, беззащитного, холодного, уже не принадлежащего этому миру.

Адам взял простыню за уголок и медленно потянул. Она беззвучно упала на серый кафель.

Он стоял и смотрел, не веря своим глазам. Напряжение начало отпускать, сердце восстановило ритм.

— Предположительно смерть от переохлаждения, — голос Ника эхом прошёлся по залу.

— Мы виделись прошлым вечером, — пробормотал Адам.

— Что?

— Вчера вечером мы пересеклись, когда я шёл на смену, — Адам не отрываясь смотрел на безжизненное тело безум-

ного Мартина.

— Дааа, — протянул Ник. — Бедняга Мартин.

Адам всё ещё смотрел на его бледное лицо. В голове проносились последние слова Мартина.

— Ладно, не буду отвлекать, — Ник вышел, и Адам остался один на один с безумцем.

«Забирать его жизнь не стану. Пережить последние мгновения сумасшедшего — значит подписать смертный приговор своему рассудку».

У него ещё хватало лет, взятых у студентов, поэтому не было смысла жертвовать собой, собирая все жизни подряд. Передать их детям пока нельзя, слишком много внимания привлечено к Стоун-Хейвену и особенно к «Тихой гавани».

Адам посмотрел на тело, освещённое лампой, и глубоко вздохнул. Мартину осталось рассказать последнюю историю, историю своей смерти.

Тело Мартина пыталось скрыть свои тайны. Бледная, восковая кожа поддавалась скальпелю с неохотой, будто замёрзшее мясо. Всё говорило о переохлаждении: розоватые пятна на спине, «гусиная кожа», ледяные кристаллы в тканях.

Адам вскрыл грудную клетку и извлёк органокомплекс одним движением. Сердце Мартина сразу привлекло его внимание. Отложив остальные органы в сторону, он взял сердце в руку — холодное, дряблое, переполненное жидкой, почти чёрной кровью. Ни тромбов, ни разрывов, ни инфарк-

та. Оно просто перестало биться — ровно, без агонии, ещё до того, как холод окончательно сковал тело.

Адам посмотрел на его лицо, отложил сердце и снял обе перчатки с одной руки, уже догадываясь, к чему всё идёт. Он коснулся пальцами лба покойного и замер.

Ничего. Та же пустота.

Адам, шатаясь, попятился. В голове всплывали фрагменты «Чёрного Рождества»: спортзал, ряды раскладушек, Эмили, Филипп, Макс...

Голова закружилась, дыхание перехватило. Воспоминания нахлынули с такой силой, что сдержать их было невозможно. Он поднял щиток, снял маску и стал жадно глотать холодный воздух секционной.

Несколько минут борьбы с накатывающей паникой, но всё же он с трудом взял себя в руки.

«Это уже не совпадение. Нужно быстрее закончить и встретиться с Хартом».

Адам вернулся к столу и натянул перчатки. Он положил сердце отдельно, дрожащими руками взял ножницы и вскрыл желудок. Его стенки опали, обнажая скудное содержимое. Бегло осмотрев орган, он собирался уже отложить его в сторону, как вдруг от света лампы что-то блеснуло.

Адам осторожно зачерпнул горстью часть содержимого желудка вместе с маленькой капсулой, совершенно не тронутой кислотой.

Пальцами, неуклюжими в двух парах перчаток, никак не

получалось подцепить её. Адам, не мешкая, скинул на пол грубую перчатку с одной руки, оставив только латексную, и осторожно, двумя пальцами достал капсулу.

Вскрыв её, он увидел туго свёрнутую бумажку. С помощью пинцета Адам медленно и бережно развернул её.

«14, Элм-Корт».

— Ник! — Адам выбежал из секционной. — Срочно на-
бери Харту! Пусть берёт своих людей и едет по адресу 14,
Элм-Корт!

— Что случилось?! — Ник вскочил со стула, и тот с гро-
хотом упал на пол.

Адам забежал за стойку и снял с крючка ключи от фурго-
на.

— Адам... — Ник смотрел на друга с тревогой.

— Ник, прошу, звони шерифу. 14 Элм-Корт. Быстрее.

Адам выбежал из здания и побежал к фургону по неочи-
щенной от снега дорожке.

Он сел за руль, вставил ключ и повернул. Автомобиль,
недолго поурчав, завёлся, и он сразу нажал на газ.

«14, Элм-Корт. Почему этот адрес кажется таким знако-
мым? Я точно его уже где-то видел».

Через десять минут Адам прибыл по указанному адресу,
но полиции ещё не было.

«Надеюсь, Ник дозвонился».

Адам вышел из фургона и подбежал к забору.

Ничем не приметный, типичный для Стоун-Хейвена небольшой кирпичный дом: один этаж, широкие окна, на крыльце столик и стулья.

Вдалеке послышались полицейские сирены. Две машины выехали из-за угла и резко затормозили рядом с ним.

— Что за чёрт, Адам?! — Харт вышел из машины и направился к нему. — Я жду объяснений. Немедленно.

Адам молча протянул ему записку.

— И что это? — Харт взял крохотный бумажный кусочек и посмотрел на содержимое.

— Это было в желудке безумного Мартина.

Шериф смотрел на него с недоумением.

— Сегодня ночью привезли тело Мартина...

— Я знаю, — Харт перебил его. — Замёрз насмерть. — Тон у него становился всё строже, а терпение заканчивалось.

— Он умер до того, как оказался в сугробе. Нет никаких признаков насилия или болезни. Сердце просто остановилось, — Адам произнёс последние слова медленно, делая небольшие паузы.

Харт резко изменился в лице. Его морщины будто разгладились.

— Смит, Гонсалес! — шериф обратился к подчинённым. — Обойдите дом сзади. Никсон, Морс — за мной!

Он подошёл к багажнику полицейской машины и достал бронезилет.

— Держи.

Адам посмотрел на жилет, потом на шерифа.

— Надевай, если не собираешься торчать здесь.

Адам послушно натянул жилет. Вместе с шерифом и офицером Никсоном он пошёл к входной двери. Смит и Гонсалес уже скрылись за домом.

Харт поднялся по ступенькам и постучал костяшками по деревянной двери.

— Шериф округа Айрон-Шорс! Откройте!

Тишина. Ни единого звука.

Он подождал немного и постучал снова, но на этот раз кулаком и сильнее.

— Шериф округа! Мистер Стивенсон? Миссис Стивенсон? Вы дома? Откройте дверь!

«Стивенсон! Это же фамилия мальчика, которого я исцелил первым в "Тихой гавани"! Я видел этот адрес на его медкарте множество раз! Что за чёрт?!»

Сердце неприятно ёкнуло, заставив Адама поморщиться.

Один из полицейских выбежал из-за угла дома.

— Сэр. Там это... — Гонсалес запнулся и сглотнул. — Я видел тени в окне. Там точно кто-то есть.

Харт посмотрел на Адама.

— Ты в норме? — шериф заметил, как тот изменился в лице.

Адам сделал глубокий вдох и кивнул.

Харт достал фонарик и разбил им стекло в двери. Просунув руку, он отщёлкнул замок изнутри и толкнул дверь.

С тихим скрипом она распахнулась. В глубине дома стала слышна музыка.

— Мистер Стивенсон! Миссис Стивенсон! Это шериф округа! Мы входим!

Полицейские достали оружие, сняли с предохранителей и вошли в дом. Адам шёл следом за ними, медленно, пытаясь не отставать. Деревянный пол скрипел под каждым их шагом. Тепло уютного дома мягко ласкало тело после холодной улицы. Пахло домашней едой, и, продвигаясь дальше по дому, музыка играла всё громче. Звук был похож на проигрывание пластинки на старом граммофоне.

Отряд двигался медленно и осторожно, пытаясь уловить любой лишний звук, любое движение. Впереди были двери в другие комнаты. Харт жестами указал каждому офицеру его помещение, и они ждали команды, чтобы начать их осмотр. Коридор почти закончился, и они приблизились к источнику музыки.

Шериф поднял руку и застыл.

Все остановились у входа в гостиную, замерев от того, что увидели.

Тепло уютного дома, ещё недавно обволакивающее тело, сменилось ледяным кошмаром, пробирающим до костей изнутри. И только музыка старого граммофона, крутящего пластинку, тихо играла на фоне, нарушая мёртвую тишину.

Как же безумный Мартин был прав.

Глава 3

Реддинг, штат Калифорния,
Центр детского движения и восстановления «Шаста»
12 июля 2005 года
«Он совсем как марионетка».

Адам наблюдал, как кузена фиксируют в мягких поддерживающих шортах. К ним тут же пристегнули страховочный трос, тянущийся от металлической рамы над беговой дорожкой.

— Не бойся. — Врач регулировал нагрузку на пульте. — Я держу тебя. Давай, сделай шаг.

Мальчик шагнул, и полотно дорожки медленно поползло под ногами. На секунду он покачнулся, но трос тотчас подхватил его, и он выровнялся.

Адам не отрываясь следил за кузенком. Тот дёргался так, будто им управлял невидимый кукловод — руки и ноги двигались сами по себе, не слушаясь хозяина.

Рядом стояла мама, обняв его за плечо. Они приехали проведать двоюродного брата. Родители Томаса уехали из города и попросили маму навещать их сына.

У Томаса была гиперкинетическая форма ДЦП. Такие тренировки учили его держать равновесие, несмотря на «помехи» собственного тела. Чем дальше он шагал по дорожке,

тем меньше становилось произвольных движений — тело постепенно привыкало подчиняться.

— Доктор, — тихо обронила мама, — мы отойдём и вернёмся ближе к вечеру.

— Конечно, миссис Морс. — Врач кивнул, не сводя взгляда с Томаса.

Адам с мамой вышли из кабинета и направились к выходу. Пока они шли по длинном коридору, она не проронила ни слова. После смерти отца мама стала замкнутой и отстранённой. Спустя два года она так и не оправилась от потери. Адам продолжал винить себя в том, что случилось на озере, но мама всегда твердила, что он не виноват.

Через полчаса они сидели в кафе неподалёку от центра. Мама пила кофе, глядя куда-то в сторону, а Адам потягивал холодный лимонад через трубочку. Он размешивал напиток и наблюдал, как кусочки льда плавают в стакане, сталкиваясь друг с другом.

— Мам, скажи, Томас поправится? — спросил он, не отрывая взгляда от стакана.

Она посмотрела на сына, поставила чашку на столик и мягко ответила:

— К сожалению, нет. Его болезнь неизлечима.

Адам перевёл взгляд на маму и удивлённо посмотрел ей в глаза.

— А зачем тогда он столько времени проводит там? Мог бы сейчас быть дома. Дома же всегда лучше, так ведь?

— Сынок, болезнь не лечится, но её можно облегчить. Врачи научат его жить с этим, чтобы он не так сильно нуждался в посторонней помощи. Маме и папе Томаса будет легче, и ему самому тоже. Понимаешь?

— Кажется, да. — Он глубоко вздохнул. — Я бы очень хотел, чтобы он полностью поправился.

— Я тоже, сынок. — Мама слегка улыбнулась, и эта улыбка на миг осветила её уставшее лицо.

На улице уже стемнело, когда они вернулись в центр. Томас спал в своей палате, обессиленный после изнурительных тренировок. Мама стояла у окна и молча смотрела на закат, погружённая в свои мысли. Адам заметил, как Томас подёргивается во сне, и тихонько подошёл к его кровати. Легонько сжал его ладонь и замер, надеясь, что так поможет ему спать спокойнее.

«Я бы так хотел, чтобы ты выздоровел», — подумал он.

Спустя несколько минут судороги почти прекратились. Адам осторожно опустил его руку и погладил по голове.

Внезапно он почувствовал, как тело начинает наливаться жаром изнутри. На руке выступили светящиеся золотые линии, стремительно поднимаясь от кисти к плечу, пульсируя в такт сердцебиению.

Мама обернулась на странное свечение и застыла, не в силах вымолвить ни слова. Она наблюдала, как ярко светятся глаза её сына, озаряя всю палату золотистым светом. Через

несколько секунд всё закончилось, и Адам без сознания рухнул на пол.

Он открыл глаза, но ничего не мог разглядеть из-за яркого света, бьющего прямо в лицо.

— Ты как, малыш? — Доктор светил маленьким фонариком ему в зрачки, проверяя реакцию.

Адам прищурился и попытался встать, но сильная рука остановила его.

— Не спеши. — Врач мягко удержал его за плечо. — Как самочувствие? Голова не кружится? Не тошнит?

— Где моя мама? — спросил Адам, всё ещё щурясь от света.

— Она в палате твоего брата, разговаривает с его лечащим врачом. Скоро придёт. Ты пока не вставай, отдыхай.

Доктор погладил его по плечу и вышел из палаты.

Адам тут же вскочил с койки, подбежал к двери и тихонько приоткрыл её. Выглянув в коридор, увидел, как врач скрывается за поворотом. Тогда он выскользнул наружу и отправился на поиски мамы.

Пройдя несколько дверей, он заглянул в окошко одной из палат и увидел её. Она сидела на кровати, опустив голову, и даже не шевелилась. Томаса в палате не было.

— Мама... — Он открыл дверь и тихо вошёл.

Она не подняла головы.

— Где Томас? — спросил Адам, подходя ближе.

— Он здоров, — тихо ответила она, не меняя позы.

— Правда? — Адам просиял. — А где он сейчас? Я хочу его увидеть.

Тишина. Она медленно подняла голову и посмотрела на него. В её глазах было что-то такое, чего он никогда раньше не видел — холодное, чужое, будто она смотрит не на сына, а на незнакомца.

— Что ты такое? — спросила она, и в её голосе послышались странные нотки.

— Что?

Адам смотрел на неё, не понимая. Сделал несколько робких шагов в её сторону.

— Ты мог спасти отца. — Её голос звучал ровно и пусто, без всяких эмоций.

— Мама, я не пони...

— Почему ты не помог отцу?! — сорвалась она на крик.

— Мамочка... — Адам испугался, не понимая, что с ней происходит.

— Ты мог его спасти! Ты мог помочь ему! — Она кричала всё громче, и голос эхом разносился по пустой палате.

Адам попятился назад, но вскоре упёрся спиной в холодную стену.

— Из-за тебя он умер! Убирайся отсюда! — Она вскочила с кровати и с безумным взглядом двинулась к нему. — Пошёл вон! Я не хочу тебя больше видеть! Ненавижу тебя!

Дверь распахнулась, и в палату вбежали люди в медицин-

ских халатах. Один из них схватил Адама за руку и быстро повёл к выходу, а ещё двое пытались удержать обезумевшую женщину, которая не переставала кричать и вырываться.

Больше он её не видел. Никогда.

«Они совсем как марионетки...»

Адам не мог поверить своим глазам. То, что предстало перед ним, выходило за границы любого мыслимого кошмара.

— Господи... — выдохнул офицер Никсон, и в этом слове было всё: и ужас, и отчаяние, и непонимание.

— Сэр, что это за чертовщина? — Лицо Смита побледнело настолько, что стало почти одного цвета со снегом за окном.

В центре гостиной мистер и миссис Стивенсоны медленно кружились в жутком танце. Их движения были неуклюжими и дёргаными, как у тряпичных кукол, которыми управляет неопытный кукловод. Сквозь их руки, ноги и даже головы были продеты десятки тонких, но прочных лесок, скрепляющих супругов между собой. Концы этих нитей уходили к потолку, где крепились множество хитроумных механизмов. Большинство из них тянулось к старинному музыкальному инструменту в углу. Леска то натягивалась, то провисала, заставляя тела совершать почти полный оборот в одну сторону, а потом резко дёргаться в обратную. Вся гостиная напоминала гигантскую паучью сеть, в центре которой всё ещё билась пойманная жертва.

— Гонсалес, Смит! Проверьте все комнаты. — После долгой паузы к Харту наконец вернулся дар речи. — Смотрите по сторонам и под ноги. Ничего не заденьте.

Леска не переставала скрипеть, заставляя Стивенсонов продолжать свой жуткий танец, и этот скрип, казалось, проникал в самые глубины сознания.

— Харт — диспетчерской. — Шериф говорил в рацию, не отводя взгляда от танцующих тел. — Код 10-71. Требуется подкрепление. Оцепить район в радиусе квартала, никого не подпускать.

Харт посмотрел на лески, протянутые от входной двери по потолку и стенам. Все они вели только в гостиную, создавая вокруг неё непроходимую паутину.

— Должно быть, мы активировали механизмы, когда открыли дверь. — Он перевёл взгляд на Адама, который обводил глазами гостиную, будто что-то выискивая. — Ты в порядке?

— Здесь нет мальчика, — тихо ответил Адам.

— Не понял. — Шериф напряжённо уставился на него.

— У них есть сын. Брайан. Его нет в гостиной.

Неожиданно музыка оборвалась. Адам и Харт одновременно обернулись к углу гостиной, где стоял граммофон. Рядом с ним застыл офицер Никсон, держась за поднятый звукосниматель. Он выглядел растерянным, будто сам не понимал, что только что сделал.

Звонящий треск мгновенно оглушил Адама, и он ин-

стинктивно закрыл уши руками. Лески выскользнули из тел Стивенсонов, и те безжизненно рухнули на пол, издав глухой стук. Всего несколько мгновений — и все нити с громким звенящим звуком на огромной скорости устремились к Никсону. Ещё миг — и он упал на пол, разрезанный на десятки кровавых фрагментов.

В доме повисла мёртвая тишина. Над телом офицера на долю секунды зависло кровавое облако, а под ним мгновенно образовалась огромная лужа. Кровь стремительно растекалась по деревянному полу во все стороны, смешиваясь с пылью и превращая гостиную в кровавое месиво.

— Никому не двигаться! — прокричал Харт, и его голос эхом разнёсся по комнате.

Адам опёрся рукой о стену и медленно сполз на пол, чувствуя, как ноги перестают держать.

— Всем покинуть помещение тем же путём, которым вошли. — Харт говорил тихо и спокойно, будто опасаясь, что любой громкий звук может активировать ещё какие-нибудь ловушки. — Ничего не трогать.

Гонсалес молча смотрел на останки того, кто ещё минуту назад был его товарищем, и не мог пошевелиться. Смит шептал себе что-то под нос — то ли молитву, то ли ругательства, то ли просто бессвязный набор слов.

— Выходим. — Шериф повторил громче. — Быстро.

Он проследил, чтобы подчинённые прошли к выходу, и снова достал рацию. Не отводя взгляда от жуткой картины в

гостиной, нажал кнопку вызова:

— Харт — диспетчерской. Код 10-33. Мне нужна бригада... — Он запнулся, прокашлялся и продолжил уже более твёрдым голосом: — Мне нужна бригада сапёров. В здании механические ловушки, натяжные системы. Возможно, взрывчатка. Здесь может быть всё что угодно.

Харт подошёл к Адаму, взял его под руку и помог подняться.

— Также пришлите кинологов. — Он потянул Адама к выходу. — Этот ублюдок не мог не оставить следов, сотворив подобное.

— Я должен найти Брайана, — вдруг сказал Адам, выдернул руку и шагнул вперёд по коридору.

— А ну стоять! — Харт схватил его за капюшон и резко дёрнул к себе. — Адам! — Он прижал его к стене и посмотрел прямо в глаза. — Тебе мало того, что ты только что видел? — Адам пытался вырваться, но шериф держал крепко. — Я не собираюсь больше терять людей из-за их необдуманных поступков.

Адам перестал сопротивляться, и Харт отпустил.

— Здесь слишком опасно. — Шериф старался говорить спокойно, но было слышно, что он сам шокирован не меньше остальных. — Своей смертью ты делу не поможешь. Мы обязательно найдём мальчика. Ты слышишь?

— Да, Джон. Слышу. — Адам не отводил взгляд от дверей, ведущих в другие комнаты, в глубине души надеясь, что

сейчас одна из них откроется и он увидит Брайана. Живого и невредимого.

— Пошли, пареньь.

Они вышли на крыльцо. Адам, спотыкаясь, сделал несколько шагов и опёрся о перила, пытаясь отдышаться. Ветер резкими порывами хлестал по лицу, возвращая в реальность. К дому одна за другой съезжались полицейские машины с мигалками. Сапёры уже стояли возле открытых багажников, доставая снаряжение. Кинологи с собаками на поводках начинали прочёсывать территорию. Воздух был словно под напряжением — каждый присутствующий принимал это дело близко к сердцу. Двое жителей их маленького города убиты самым изощрённым способом. Пропал ребёнок. Погиб офицер. А психопат, сотворивший всё это, до сих пор на свободе.

Стоун-Хейвен переставал быть тихим и сонным местечком.

Адам и Харт подошли к забору, где уже ждал Ник, кутаясь в куртку.

— Брукс. — Шериф обратился к нему. — Возвращайтесь в «Старую скорую» и ждите моего звонка.

— Хорошо, шериф. — Ник кивнул и перевёл взгляд на Адама.

— Я дам знать, как только хоть что-то прояснится. — Харт посмотрел на Адама, давая понять, что разговор окончен.

Тот молча кивнул и вместе с Ником направился к фурго-
ну.

Машину немного мотало на обледенелой дороге, и Адаму пришлось сбавить скорость до минимума. Снегопады этой зимой были особенно сильными, коммунальные службы явно не справлялись.

«Теперь я почти точно уверен, что „Чёрное Рождество“, смерть безумного Мартина и убийство в доме Стивенсонов связаны между собой, — думал Адам, глядя на дорогу. — Но кто мог всё это провернуть? И главное — как? Как можно остановить сердце целому автобусу людей и не оставить следов? Мартина кто-то убил точно так же. Стивенсоны, уверен, тоже были мертвы ещё до того, как их насадили на эти лески. Крови в гостиной практически не было. А ведь от таких ран там всё должно было быть залито, если бы сердца ещё бились».

— Что там случилось? — спросил после долгого молчания Ник, не выдержав напряжения.

— Убийство. — Рассеянно ответил Адам, всё ещё погружённый в мысли.

— Убийство?! — Ник удивлённо перевёл взгляд с дороги на него. — Кого?

— Тот, кто убил Мартина, оставил подсказку с адресом. И там... — Он замолчал, снова увидев перед глазами жуткую картину.

— Безумного Мартина убили? — Ник из удивлённого состояния перешёл в шоковое. — Господи, Адам. Зачем ты тогда рванул туда один? Тебе жить надоело?

— Я думаю, здесь есть связь с «Чёрным Рождеством», — тихо сказал Адам.

— Чего? Каким боком это вообще может быть связано?

— Пока не могу объяснить.

— Ты мне что-то недоговариваешь, Адам. Либо ты сходишь с ума.

«Может быть, и так», — подумал Адам, но вслух ничего не ответил.

Они прибыли к «Старой скорой». Адам вышел из машины и подошёл к двери. Вставил ключ, но повернуть не получилось — замок не поддавался. Тогда он просто дёрнул за ручку, и дверь неожиданно легко открылась.

— Ник, ты закрывал дверь на ключ, когда мы уходили? — спросил Адам, настороженно оглядываясь.

— Конечно. — Ник ответил уверенно. — Я всегда закрываю. А что?

— Дверь открыта.

— Я точно помню, что закрывал. — Ник почесал затылок, уже начиная сомневаться.

— Ладно. Идём. Нужно закончить с Мартином до звонка Харта. Может, ещё что-то обнаружится.

Они зашли в секционную и замерли на пороге. Рядом с Мартином на соседнем столе лежало ещё одно тело, накры-

тое свежей простыней.

— Кого-то ещё привозили? — Адам не отводил глаз от второго стола.

— Никого, — почти шёпотом ответил Ник.

Адам медленно подошёл к столу, бросил быстрый взгляд на Мартина — всё было так, как он и оставил. Потом снова посмотрел на очертания второго тела и медленно потянулся к простыне, но в последний момент резко одёрнул руку, будто обжёгшись.

— В чем дело? — испуганно спросил Ник.

Адам не отвечал. Он уже понял, кто лежит под этой тканью, ещё до того, как коснулся её.

«Нет, нет, нет, нет», — билось в голове.

Он заставил себя успокоиться, глубоко вздохнул и резко сдёрнул покрывало.

— Господи! — Ник схватился за голову и отшатнулся, едва не упав.

Адам стоял неподвижно, глядя на открывшиеся глаза. На глаза Брайана.

«Я найду тебя, мразь!» — мысленно прорычал он, и в этом обещании была вся его ненависть, вся боль, всё отчаяние.

— Я сообщу шерифу. — Ник в спешке выбежал из секционной, оставив Адама одного.

Адам смотрел в открытые, безжизненные глаза мальчика и не мог поверить, что есть на свете кто-то, способный на такую чудовищную жестокость. Он бережно опустил его ве-

ки, проведя по ним ладонью, словно пытаясь подарить хоть немного покоя.

Внезапно он отскочил от тела и в ужасе уставился на свою руку. Он даже не думал пробовать забрать жизнь Брайана — он был уверен, что мальчик, как и остальные, будет пуст. Но это произошло само собой, неосознанно.

«У него была жизнь... Что вообще происходит?!»

Адам никак не мог остановить поток видений будущего, стремительно проносившийся в голове. Картинки сменяли друг друга с невероятной скоростью, но каждая отпечатывалась в сознании чётко и ясно. В руке всё ещё оставалось тепло — тепло жизни Брайана, которое теперь разливалось по всему телу.

35, Мейн-стрит, Стоун-Хейвен,
офис шерифа округа Айрон-Шорс
23 января 2026 года

— Никаких следов. — Харт закурил сигарету и с силой бросил зажигалку на стол. — Ни одного отпечатка в доме и морге. Камеры поблизости ничего не засекли. Собаки дальше двора не продвинулись. За трое суток мы не сдвинулись с места ни на шаг. — Шериф глубоко затянулся и выпустил дым в потолок. — У нас пять трупов, включая ребёнка и офицера полиции. И это меньше чем за трое суток! — Он с силой ударил кулаком по столу, отчего бумаги подпрыгнули. Харт говорил громко и со злостью, но ни разу не сорвал-

ся на крик. Этого было достаточно, чтобы любой понял: всё слишком серьёзно. Шерифа в таком состоянии, должно быть, не видела ещё ни одна живая душа. Он понимал, что люди на пределе — как моральном, так и физическом, поэтому лишние крики сейчас ни к чему.

— Три смерти от острой сердечной недостаточности. — Шериф опустил глаза на заключения, разложенные перед ним. — Одна от удушения и ещё... Никсон.

Он затушил окурок в переполненной пепельнице и устало откинулся в кресле.

— Есть мысли? — Он посмотрел на Адама, который сидел напротив, сгорбившись и глядя в одну точку.

— Я думаю, трагедия с автобусом и эти смерти связаны. — Адам говорил запинаясь, словно каждое слово давалось с трудом.

Он выглядел болезненно: тёмные круги под глазами стали ещё глубже, взгляд отсутствовал, лицо бледное, почти серое.

— Недавние смерти связаны. — Харт согласился. — Здесь сомнений нет. Но автобус... Сомнительно. Такое проверить просто невозможно. Не существует способа остановить сердце одновременно у семнадцати человек.

— Стивенсонов и Мартина он убил точно так же.

— Но Брайана он просто задушил. — Харт пристально смотрел на Адама, пытаясь понять, что у того в голове. — Почему?

— Потому что он псих, — бросил Адам, не поднимая глаз.

— Нет. — Харт задумчиво посмотрел в окно, за которым сгущался вечерний сумрак. — Психов я вижу постоянно. Этот тип — конченный ублюдок, но точно не псих. Он слишком умён, слишком осторожен и прекрасно знает, что делает. И знает, зачем. Сотворить столько дерьма и не оставить никаких следов? На такое психи не способны. — Он перевёл взгляд обратно на Адама. — Ты больше ничего не нашёл при вскрытии остальных?

— Ничего. Только у Мартина. — Адам часто моргал, и с каждым разом ему было всё труднее держать глаза открытыми.

— Эта сволочь оставила нам адрес. — Харт провёл рукой по грубой щетине, покрывавшей щёки. — Значит, он хотел, чтобы мы быстрее нашли Стивенсонов. И раз уж оставил подсказку, будет и дальше искать контакта с нами.

«Контакта со мной, — подумал Адам. — Брайан в морге — это послание точно для меня. Скорее всего, он знает о моём даре и обо всех детях, которых я исцелил. Только почему не вышел напрямую? Зачем все эти больные игры?»

— Нужно выставить патрули по нескольким адресам. — Адам достал из кармана куртки сложенный в несколько раз листок и положил на стол перед шерифом.

Харт вопросительно посмотрел на него, взял записку и развернул.

— И что это за адреса? — Он отложил листок в сторону, даже не вглядываясь.

— Первые четыре — адреса детей, которые были моими пациентами в хосписе. И пятый — сама «Тихая гавань».

В кабинете ненадолго повисла тяжёлая тишина.

— Зачем? — Харт снова взял записку в руки, словно надеясь найти в ней скрытый смысл.

— Двое детей уже погибли, как мы предполагаем, от рук одного и того же урода.

— Это ты предполагаешь, Адам. Автобус мог оказаться всего лишь страшной случайностью.

— Дети могут быть в опасности! — Голос Адама дрогнул, выдавая отчаяние.

— У нас нет ресурсов, чтобы тратить их на пустые предположения.

Адам опустил локти на колени и закрыл лицо руками, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями.

— Мы должны сейчас бросить все силы на то, чтобы найти хоть что-то стоящее. Я не могу разбрасываться людьми, проверяя все теории подряд. Даже если они звучат логично. Ты меня понимаешь, Адам?

— Да, да. Понял. — Он резко встал с кресла и направился к выходу. — Я пойду, работы много.

— Тебе нужно отдохнуть. — Харт был явно обеспокоен его состоянием. — Ты совсем себя измотал. На пользу это не пойдёт. Сейчас всем нужна ясная голова.

— Я в порядке, шериф. — Не оборачиваясь, ответил Адам и плотно закрыл за собой дверь.

17А, Блэк-Спрус-роуд, Стоун-Хейвен,

хоспис «Тихая гавань»

23 января 2026 года

Третьи сутки без сна. Страх засыпать становился всё сильнее, превращаясь в навязчивую фобию. Силы стремительно покидали Адама, и он чувствовал, что находится на самом краю. Он боялся лежать, боялся сидеть и даже просто стоять на одном месте.

Адам ходил от одного окна к другому, вглядываясь в непроглядную темноту за стёклами, но кроме снега и черноты ничего не было видно. Время от времени ему казалось, что он слышит какие-то звуки снаружи, и он замечал движущиеся тени.

«Отлично. От нехватки сна уже галлюцинации. В таком состоянии я и себя не смогу защитить».

Полицейские патрули так и не были расставлены по адресам, которые он дал шерифу.

«Я, наверное, мог рассказать всё Харту, и, возможно, он бы даже поверил. Но велик шанс, что я бы сейчас лежал привязанным к койке, напичканный успокоительными».

Адам знал: стоит лишь расслабиться и смежить веки, как он провалится в сон. А там его ждёт то, к чему он не готов и никогда не будет готов, — смерть Брайана его собственными глазами.

«Неужели он знает про кошмары после поглощения? Спе-

циально не остановил ему сердце? Или в тот момент просто поддался своим большим фантазиям и задушил его?»

Ветер за окном завывал всё сильнее, с силой ударяясь в стёкла хосписа. В кабинете было темно, но Адам не включал свет — так он мог лучше разглядеть хоть что-то за окнами. Он должен быть наготове, если этот ублюдок решится пробраться в «Тихую гавань».

Ноги отказывались слушаться, при ходьбе то и дело подкашивались. Адам позволил себе сесть на самый краешек дивана, чтобы дать им отдых хотя бы на несколько минут, иначе он просто рухнет на пол без сознания. Ноги немного отпустило, и в кабинете повисла тяжёлая, звенящая тишина.

— На улице очень холодно. — Мать натянула тёплую вязаную шапку на голову мальчику, поправляя её.

— Ну мам, — жалобно протянул он. — Я же только на минутку. Выброшу мусор и сразу бегом домой.

— Не спорь. Ты же не хочешь снова заболеть? — Она сняла с вешалки тёплую куртку и протянула сыну.

— Не хочу, — пробубнил мальчик и послушно взял куртку.

— Только давай туда и обратно. Ужин почти готов.

Он кивнул, взял двумя руками большой чёрный мешок и с трудом закинул себе на плечо. Мать открыла дверь, и он, переваливаясь под тяжестью ноши, потопал к мусорному баку, стараясь сохранить равновесие на скользкой дорожке.

Дойдя до калитки, скинул мешок на снег и выпрямился, переводя дыхание. Из-за сильной метели улицы видно практически не было — фонарные столбы почти не спасали. Мальчик открыл крышку бака и посмотрел в сторону, откуда доносился странный звук. Совсем рядом захрустел снег под чьими-то ногами. Он пытался всмотреться в темноту, но снег бил прямо в лицо, залепляя глаза. Рассмотреть хоть что-то было невозможно. С трудом он закинул мешок в бак и накрыл крышкой.

Обернувшись, тихо вскрикнул и подпрыгнул от испуга. Прямо перед ним стоял незнакомый человек в чёрной куртке с глубоко надвинутым капюшоном.

— Прости, — незнакомец улыбнулся, обнажив ровные белые зубы. — Я тебя напугал?

— Немного, — голос мальчика дрожал.

— Почему ты не дома? Уже довольно поздно.

— Я вышел выбросить мусор. — Он посмотрел в сторону двери, но матери там уже не было. — Сэр, я пойду. Меня родители ждут.

— А твой папа дома? — Незнакомец подошёл поближе.

— Д-да. — Мальчик сделал шаг назад. — Вы его друг?

— Очень хороший друг. — Человек в капюшоне расплылся в широкой, почти неестественной улыбке. — Отведёшь меня к нему?

— Ну... Ладно.

Они подошли к крыльцу, и мальчик открыл дверь.

— Папа! — громко позвал он отца. — К тебе пришёл...

«Проснись, малыш».

Он с трудом разлепил тяжёлые веки. Перед глазами всё плыло, предметы теряли очертания. В нескольких метрах от себя он увидел размытую фигуру человека.

— Ты так всю жизнь проспичь. — Незнакомец улыбался, глядя на него.

— Где я? — спросил мальчик, пытаясь сфокусировать взгляд.

— Ты дома, конечно же.

— А где мама и папа?

Каждое слово давалось с огромным трудом. Голова раскалывалась от невыносимой боли, в ушах стоял тонкий, оглушающий писк. Он попытался поднять руку, чтобы приложить к голове, но тело совершенно не слушалось.

— Вот же они. — Незнакомец отошёл в сторону и указал пальцем вглубь комнаты.

— Мама, папа... — Мальчик разглядел знакомые силуэты и замолчал на полуслове.

Его родители кружились, обняв друг друга, в центре гостиной. Их движения были неестественными, дёргаными, словно ими управлял невидимый кукловод.

— Из твоих родителей получились отличные актёры. — Незнакомец громко засмеялся, и смех эхом разнёсся по комнате.

Мальчик смотрел на мать и отца, не понимая, что происходит. Он ещё плохо соображал после сна.

— Тебе нравится театр? — Прокрутившись вокруг себя на одной ноге, спросил незнакомец. — Ну же, Брайан, аплодисменты маме и папе!

Брайан попытался встать, но безуспешно — тело будто прилипло к стулу.

— Ой, прости. Ты, кажется, привязан к стулу. — С поддельным разочарованием произнёс незнакомец.

Картинка перед глазами почти перестала плыть, и мальчик наконец увидел неестественно откинутую назад голову матери. Посмотрел в её глаза, в которых больше не было жизни, и пронзительно закричал.

— А ну заткни свою пасть! — Незнакомец приблизился к лицу мальчика вплотную, дыхание обожгло кожу.

Брайан начал громко плакать и звать родителей, надеясь, что они очнутся.

— Они тебе не помогут! — заорал человек в капюшоне. — Тебе никто не поможет! Всем на тебя плевать!

— Помогите! — Мальчик изо всех сил пытался освободиться от пут, но верёвки только сильнее впивались в запястья.

— Ты всего лишь открытка! — Незнакомец грубо сдавил его лицо пальцами, так что губы невольно вытянулись трубочкой, и заставил смотреть себе прямо в глаза. — Всего лишь письмо для доктора Адама!

Мальчик с ужасом смотрел в эти чёрные, бездонные глаза и не мог произнести ни слова.

— Пожинай свои плоды, доктор Адам. — Он возбуждённо улыбался, и в этой улыбке было что-то безумное. — Это всё ты. Ты виновен в этом. Я заберу всё, что имеет для тебя хоть какую-то ценность.

Он схватил мальчика за горло и начал давить с чудовищной силой.

— До скорой встречи, Адам.

— Адам, проснитесь.

Он резко схватил руку, коснувшуюся плеча, и вскочил с дивана, тяжело дыша. Амелия от неожиданности ахнула и уронила стакан с кофе. Картонный стаканчик глухо приземлился, расплескав горячий напиток.

— Амелия? — Он отпустил её руку и часто заморгал, приходя в себя.

— Извините. — Девушка испуганно смотрела на бледное, покрытое испариной лицо. — Я не хотела вас напугать.

— Нет, это вы простите. — Адам посмотрел под ноги, отступил от растекающейся лужи. — Нервы ни к чёрту в последнее время.

— Я увидела, что вы здесь, и решила принести кофе. Раз уж в прошлый раз не получилось.

— Работы много навалилось. Я выпал из жизни на несколько дней. — Он подошёл к умывальнику, умыться и

прийти в себя.

— Да, я слышала про убийства. Это ужасно.

Адам наклонился над умывальником, тщательно умылся холодной водой, пытаясь согнать остатки кошмара.

— А кто такой Брайан? — спросила девушка после паузы.

Дрожь прошла по телу Адама. Он медленно обернулся.

— Вы разговаривали во сне, когда я вошла. — Девушка увидела на его лице недоумение и, как ей показалось, испуг.

— Бывший пациент «Тихой гавани». — Он взял полотенце, вытер лицо. — Я ещё что-то говорил?

— Больше ничего не слышала. Вы говорили очень тихо.

Адам посмотрел на часы.

«Три часа проспал. Как я мог так отключиться? Надеюсь, ничего лишнего не сболтнул. Чёрт... С каких пор я разговариваю во сне?»

— Понятно. — Он взял тряпку, начал вытирать пол.

— Я позову уборщицу. — Девушка направилась к двери.

— Не надо. Сам уберу. Оставайтесь.

«Если не буду один, до утра протяну. Засыпать больше не хочу. И что за тип мне снился? Он точно знает про мой дар. Откуда? Вопросы есть, ответов нет. Но теперь я хотя бы знаю, как он выглядит».

— А вы почему на работе? — Адам перестал тереть пол, поднял глаза.

— Джессика приболела. Попросила подменить на пару ночей.

Адам закончил с уборкой, отложил тряпку и сел на диван.

— Как вам Стоун-Хейвен? Освоились?

— Очень нравится. — Девушка улыбнулась. — Природа красивая, воздух свежий, всё как дома. Тихо и спокойно. Бы-
ло, по крайней мере. — Улыбка сошла с лица.

— А вы откуда?

— Гастингс-Хайлендс. — Амелия заметила его задумчи-
вость и добавила: — Это в Онтарио.

— Канада? — удивился он.

— Ага. — Она улыбнулась и глубоко вздохнула, вспоми-
ная дом.

— Далековато забрались. — Он слегка улыбнулся, отки-
нулся на спинку дивана.

— А вы? — Амелия присела на край дивана.

— Реддинг. Север Калифорнии.

— Ого! — Девушка широко раскрыла глаза, легко рас-
смеялась. — И это я далеко забралась?

Глядя на улыбку Амелии, Адам почувствовал неожидан-
ный прилив энергии. На душе становилось светлее. Во мраке
его измученного сознания загорались маленькие проблески
— крошечные, но достаточные, чтобы не утонуть в окружа-
ющей тьме.

— Почему вы так далеко от дома? — спросила девушка,
расслабившись и опершись спиной о подушку.

— Долго искал своё место. — Он посмотрел в тёмное ок-
но, за которым бушевала метель. — Нашёл только когда при-

ехал сюда.

— А родители в Реддинге остались?

В кабинете повисла тишина.

— Родители умерли. — Адам смотрел в одну точку, без эмоций. — С разницей в пару лет.

— Простите. — Девушка отвела взгляд. — Я не хотела...

— Всё в порядке. Давно было.

Амелия помолчала, потом тихо сказала:

— Я тоже без родителей выросла. Потеряла их, когда маленькая была. Бабушка с дедушкой растили. — Она слабо улыбнулась. — Хотела врачом стать, да не получилось. Хотя бы медсестрой выучилась.

Она замолчала, глядя куда-то в сторону.

Их взгляды встретились. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

— Я, наверное, схожу за кофе, — наконец сказала Амелия, отводя взгляд, и привстала.

— Посидите. — Адам быстро вскочил. — Я сам принесу. Пройдусь — хоть сон разгоню.

Амелия кивнула и снова опустилась на диван. Она смотрела уходящему Адаму в спину отстранённо-мечтательным взглядом, машинально подперев голову рукой.

Ночь прошла спокойно.

Глава 4

Кладбище Пайн-Рест

2 марта 2026 года

Холодный утренний ветер скользил по лицу. Мокрый снег валил густо и лениво — тяжёлые хлопья оседали на плечах куртки и тут же таяли, пропитывая ткань сыростью. Козырёк бейсболки, натянутой почти на самые глаза, хоть как-то спасал: позволял смотреть перед собой не щурясь.

Ни души. Ни звуков проезжающих машин, ни голосов людей, ни собачьего лая. Даже вороны молчали, неподвижно сидя на голых ветвях, — будто не хотели нарушать тишину этого места. Она стояла такая плотная, что мысли в голове звучали громче и отчётливей обычного.

Мокрая гранитная плита чернела в сером свете утра, отражая размытую фигуру напротив. Капли стремительно стекали по холодному камню, проходя на своём пути высеченное девичье лицо. Они сбегали по мраморным щекам, собирались у уголков губ. И казалось, что это не просто вода — словно само лицо плачет, горько и безутешно, о жизни, покинутой слишком рано.

— Ну здравствуй, милая. — Харт говорил тихо и нежно, с улыбкой, полной печали. — Столько лет прошло, а я всё ещё скучаю. Знаешь... С каждым днём всё больше.

По щеке скатилась слеза, с трудом вырвавшись из уголка глаза. Пройдя по лицу, иссечённому морщинами, как по руслам рек, она упала на прозрачную обёртку скромного букета, смешиваясь с растаявшими снежинками.

— Я столько всего не успел сказать. — Харт поднял голову к небу, надеясь, что она сейчас смотрит на него и слышит. — Но когда прихожу тебя навестить, слов подобрать не могу.

Он наклонился и положил букет на мраморную плиту, очищенную от снега и аккуратно прибранную.

— Мне очень жаль, что я не увижу твой выпускной. — Губы шерифа подрагивали. — Не увижу, какая ты красавица в платье перед школьным балом. Не смогу отгонять кавалеров от твоего окна. Я никогда не подержу твоего ребёнка на руках. — Он еле сдерживался, чтобы не дать волю слезам, собравшимся в уголках глаз. Харт сделал глубокий вдох. Помолчав немного, продолжил: — Надеюсь, мама сейчас с тобой. И тебе там не так грустно вдвоём. Скоро мы увидимся, и я снова смогу вас обнять. И больше никто и никогда нас не разлучит.

Харт почувствовал, как кто-то тронул его за плечо. В отражении на гранитной плите он увидел знакомый силуэт у себя за спиной и резко обернулся, но там никого не было. Всмотревшись в отражение ещё раз, он различил только собственную размытую фигуру и изо всех сил сдвинул переносицу пальцами.

Шериф ощутил вибрацию в кармане куртки, и его теле-

фон разразился резким звонком, нарушая покой Пайн-Реста.

Он прокашлялся, сделал вдох, выдох, подождал несколько секунд и нажал ответить:

— Харт слушает.

— Сэр, извините, что беспокою в ваш выходной... — начал было голос на другом конце.

— Смит! — повысил голос Харт.

— Да, конечно, понял. — промямлил офицер Смит в трубку. — Я насчёт вашего поручения в «Тихой гавани».

— Так?

— Мы ничего не нашли...

— Смит!

— Доктор Кларк тут одну вещь припомнил. Ещё до Рождества дело было. Где-то за неделю. Приходит он утром на работу, а кабинет открыт. И комп включён — прямо на мониторе база данных сотрудников и пациентов. Всё как на ладони.

— И что? — Харт начинал нервничать.

— Говорит, что всегда всё закрывает. И компьютер на ночь глушит. Жена, говорит, смеётся — он и дома все розетки проверяет перед сном.

— Ладно. Это хоть что-то за полтора месяца. Пусть завтра утром подъедет в участок. Скажи, я хочу с ним поговорить.

— Да, сэр.

Харт убрал телефон в карман куртки. В последний раз

взглянув на лицо дочери, он мысленно с ней попрощался и направился к выходу.

Судебно-медицинский центр округа Айрон-Шорс

17, Блэк-Спрус-роуд, Стоун-Хейвен

2 марта 2026 года

— И что дальше? — спросил Ник, допивая кофе из бумажного стаканчика.

— Понятия не имею. — Адам откинулся в кресле. — Шериф молчит. Значит, зацепок никаких. Этот психопат залёг на дно. Полная тишина.

— Может, он уехал из города?

— Вряд ли.

— Почему? Город маленький. Мог забеспокоиться, что наследил, и сбежать.

— Такие, как он, просто так не останавливаются.

— Ты у нас профи по маньякам? — усмехнулся Ник.

«Просто я знаю, что он пришёл за мной. А значит, скоро объявится».

— Записка в Мартине — первая попытка выйти на контакт. Не думаю, что он закончит на полуслове. — Адам поднялся, уступая Нику место.

— Тоже верно. — Ник уселся и полез под стол.

— Ты что-то потерял? — Адам наклонился над стойкой.

— Вот. — Ник достал пистолет и положил на стол. — Это тебе.

— Какого чёрта?! — Адам отшатнулся.

— «Глок 19».

— Зачем?

— В городе психопат орудует, а ты вечно лезешь один куда не надо.

— Спасибо, конечно, но он мне не нужен.

— Тенью за тобой ходить я не могу. Возьми. Если тебе всё равно, то мне хотя бы спокойнее будет.

Адам молча уставился на друга.

— Ладно. — Ник открыл ящик стола и убрал пистолет. — Если что, ты знаешь, где он лежит.

— А ты его где взял? У тебя хоть лицензия есть? — усмехнулся Адам.

— Есть, конечно. Всё оружие зарегистрировано, — с гордостью ответил Ник.

— В смысле «всё»?

— Я с детства охочусь. Думаешь, у меня дома пушек нет?

— Ладно, проехали. — Адам поднял руку и взглянул на часы.

— Спешешь куда-то? — ухмыльнулся Ник.

— Да так. Дела.

— Как там Амелия?

— Мы просто общаемся. Иногда вместе кофе пьём. Не выдумывай себе.

— Я же вижу, как вы друг на друга смотрите. — Ник широко улыбнулся. — Не похоже на дружбу.

— И всё же — мы просто общаемся.

— Да брось, дружище. Ты хороший человек и заслуживаешь счастья.

— Мне не нужны отношения. Не до этого. Да и не такой уж я хороший.

— Я людей насквозь вижу. Это от мамы. Она с полвзгляда определяла, с кем стоит иметь дело, а кого лучше обходить стороной. — Ник снова улыбнулся. — Так что мне виднее. Даже если тебе кажется иначе.

— Я побегу, Ник. — Адам тепло улыбнулся и хлопнул друга по плечу. — Увидимся.

— Передавай привет своей девушке.

— Ник!

— Шучу, шучу. Передавай привет коллеге.

Адам, покачивая головой, направился к выходу.

17А, Блэк-Спрус-роуд, Стоун-Хейвен,

хоспис «Тихая гавань»

2 марта 2026 года

— Привет, ребята! — Адам зашёл в игровую, и дети, словно по команде, отвлеклись от своих занятий, подняв головы на звук его голоса.

— Здравствуйте, доктор Адам! — хором пропели они.

— И чем это вы сегодня занимаетесь?

— Мы рисуем семью! — Стэн гордо поднял над головой лист бумаги, демонстрируя разноцветные каракули.

— А сестра Амелия принесла нам новые карандаши! — выкрикнул Билли, размахивая оранжевым карандашом.

— Вот как? — Адам перевёл взгляд на Амелию, которая сидела на низком стульчике в центре комнаты, помогая малышам.

— Добрый вечер, доктор Адам. — Амелия улыбнулась, легко поднялась со стульчика и направилась к нему. Её шаги были бесшумными.

— Добрый вечер, — тепло улыбнулся он в ответ, и в его глазах мелькнули искорки. — Вы не против, если я ненадолго заберу у вас сестру Амелию? — обратился он к детям.

Ребята одобрительно загудели, кто-то засмеялся, и Амелия наконец подошла к доктору вплотную. Она незаметно, одними кончиками пальцев, коснулась его руки, и тут же тёплая волна пробежала по всему его телу, словно от лёгкого, но пронзительного электрического разряда. На мгновение он потерял дар речи, но, моргнув, быстро пришёл в себя.

— Я пришёл пораньше, чтобы успеть проводить тебя домой перед ночной сменой, — сказал он, прищурившись и с подозрением глядя на Амелию. — А Маргарет мне выдала, что сегодня в ночь работаешь именно ты.

Девушка загадочно улыбнулась, сверля его блестящими в свете ламп глазами, и молчала, явно наслаждаясь его замешательством.

— Джессика снова заболела? — предположил он.

— Нет, — тихо и протяжно выдохнула Амелия, качнув

головой.

Адам смотрел на неё, непонимающе хмурясь.

— У неё появился парень, — пояснила она, и игривая улыбка тронула её губы. — А из-за ночных смен она совсем не успевает строить свою любовь. Вот я и предложила поменяться графиком. Она с радостью согласилась.

— Зачем? — вырвалось у него, хотя ответ он уже читал в её глазах.

— А ты как думаешь? — она чуть склонила голову набок.

Адам почувствовал такой прилив тепла в груди, словно кто-то бережно забрал его прежнюю, уставшую жизнь и вдохнул в него новую — чистую, светлую, совсем не тронутую этим жестоким миром.

— Мне кажется, вы краснеете, доктор Морс, — тихо рассмеялась Амелия.

Адам ничего не ответил, лишь крепче сжал её ладонь. Ему нужно было перевести дыхание, и он посмотрел поверх её плеча, окидывая взглядом игровую.

— А где Мария? — спросил он, нарушая повисшее в воздухе сладкое оцепенение.

— Её сегодня утром забрали в госпиталь, — Амелия обернулась к детям, всё ещё не выпуская его руки.

— Что случилось? — её слова мгновенно вернули его в реальность, голос стал серьёзным.

— Всё хорошо, — успокаивающе произнесла она, снова поворачиваясь к нему. Глаза её заблестели сильнее, но те-

перь это был блеск радости. — Она пошла на поправку. Её отправили на полное обследование. Это же настоящее чудо.

«Ещё бы. Учитывая, что я не передавал ей жизнь. С её степенью рака так просто не выздоравливают. Хотя... Может, я снова потерял контроль над собой, как было с Брайаном? Нет. Точно нет. Я бы светился тогда как фонарь, и это точно кто-нибудь бы заметил».

— А когда у неё начались улучшения? — задумчиво спросил Адам.

— Ещё вчера её состояние было стабильно тяжёлым. А сегодня утром она проснулась и выглядела совершенно здоровой. И чувствовала себя так же.

«У меня сейчас достаточно накопленных лет, чтобы исцелить всех детей в "Тихой гавани". Но это слишком опасно. Тем более какой-то урод охотится на тех, кого я исцелил. Теперь у него появится ещё одна цель».

— О чём задумался? — Амелия легонько сжала его пальцы, вырывая из раздумий.

Он моргнул, прогоняя мрачные мысли, и слабо улыбнулся, решив отшутиться:

— Похоже, теперь каждую смену мне придётся работать с тобой.

Амелия хмыкнула, состроила шутливо-злую гримасу и легонько толкнула его плечом.

— Ладно, пойду готовиться к обходу, миз Рейнолдс.

— Давайте-давайте, бегите от меня, доктор Морс, — про-

шептала она ему вслед.

1, Олд Вудс Роуд, Стоун-Хейвен

2 марта 2026 года

— Никки?

Женщина щурилась, стоя на пороге. Надела очки, висевшие на груди, и расплылась в улыбке.

— Сынок! — Мама обняла Ника с той теплотой, на которую способны только матери.

— Привет, мам, — он поцеловал её в щеку и ответил на объятие.

— Заходи скорее, не стой на холоде.

Ник перешагнул порог, и его тут же накрыло волной домашнего тепла, знакомой с детства атмосферой и ароматами маминой стряпни.

— Ты готовишь ягодный пирог? — В животе у Ника громко заурчало, и в тишине прихожей этот звук прокатился эхом. — Вы с папой что, ждали меня? — Он широко улыбнулся.

— Мы всегда тебя ждём, сынок. — Мама ласково потрепала его по щеке. — Вот только ты нас навещаешь всё реже... — с мягкой грустью добавила она.

— Прости, мамуль, — виновато протянул Ник. — В последнее время работы навалилось — не продохнуть. А где папа?

— Хоккей смотрит. — Мама сняла с него куртку и пове-

сила на крючок. — А где ж ему ещё быть?

— Пойду поздороваюсь. — Ник скинул ботинки, чмокнул маму в щеку и направился в гостиную.

— Долго не сидите, скоро ужин! — крикнула она вдогонку.

— Хорошо, мам.

Ник шёл по коридору не спеша, разглядывая фотографии на стенах. Вот он, ещё младенец, на руках у отца. Лицо у папы серьёзное, даже суровое. Но те, кто знал его, никогда не скажут, что он дурных нравов. Просто его характер закалило детство, проведённое в глуши Мичигана. Отец строгий, но справедливый. Неразговорчивый, но своими поступками он говорил больше любого искусного оратора. Он всю жизнь делал всё для семьи и воспитывал в сыне мужчину, не перегибая палку.

Пройдя дальше, Ник остановился у снимка, где он, совсем ещё мальчишка, стоял со своей первой дичью, широко улыбаясь и жмурясь от вспышки. Каждый раз, проходя по этому коридору, он задерживал взгляд на этих кадрах. Они окунали его в детство с головой. Только здесь, в родительском доме, он снова чувствовал себя тем самым мальчишкой с фотографий. Маленьким Никки, который всегда под защитой мамы и папы.

Из гостиной доносилось громкое ворчание.

— Кто ведёт? — громко спросил Ник, заходя.

Отец обернулся.

— Николас! — На миг его лицо осветила улыбка, но он тут же её спрятал. Секунды вполне достаточно для проявления эмоций. Мужчина должен держать себя в руках.

Он поднялся с мягкого кресла и подошёл к сыну.

— Здравствуй, сын. — Взял Ника за плечи, окинул гордым взглядом с головы до ног и крепко обнял.

— Привет, пап. — Ник обнял отца в ответ, чувствуя, что тот ничуть не растерял своей силы.

Отец разжал объятия, поправил кепку с логотипом «Детройт Ред Уингз» и посмотрел на сына.

— Как ты? Давно не заходил.

— Работы по горло, времени совсем нет.

— Это с тем психом связано?

— Ага, именно с ним.

В комнате повисла пауза. Отец всё ещё смотрел на сына, с тихой радостью отмечая про себя, как тот возмужал.

— Ты так и не ответил, — прервал молчание Ник.

Отец уставился на него, не понимая.

— Кто ведёт? — с улыбкой повторил Ник.

— А-а-а, — папа, уже забывший про хоккей, махнул рукой. — «Крылья» ведут. Как обычно.

— А чего ж ты тогда ворчишь? — усмехнулся Ник.

— Могли бы и с большим счётом вести, — буркнул отец.

— Ты ничуть не изменился.

— Садись. — Отец указал на соседнее кресло. — Досмотрим матч, а там и ужин поспеет. — Он уселся обратно, взял

с журнального столика банку «Labatt» из открытой упаковки и протянул Нику.

Ник взял пиво и с удовольствием плюхнулся в кресло, которое мягко приняло его в свои объятия. Щёлк. Напиток зашипел, ударив в нос терпким хмельным ароматом. Ник сделал несколько больших глотков, прикрыв глаза. Выдохнул и откинулся на спинку, позволяя креслу обволочь себя целиком.

«Я дома».

Через полчаса вся семья уже сидела за столом.

— Не спеши, Никки, — мама с любовью смотрела, как сын уплетает ужин.

— Всё очень вкусно, мам, — проговорил он с набитым ртом.

— Пусть наедается, — отец неторопливо отправлял в рот аккуратно нарезанные кусочки стейка. — Дома ему кто ужин приготовит?

— Милый, не начинай, — мама мягко улыбнулась и накрыла своей рукой его ладонь.

— Он же совсем один там. Пора бы уже найти жену.

— Да мне и так хорошо, — Ник прожевал и потянулся за добавкой.

— У него есть мы, — заступилась за сына мать.

— А когда нас не станет? Мы же не вечные.

— Ну пап, — Ник отвлёкся от тарелки. — Не говори так.

— А что? — отец отложил приборы. — Я не хочу, чтобы

мой сын остался один, когда мы отправимся на тот свет.

— Я не буду один. У меня есть Адам, хороший друг.

— Друг тебе детей не родит.

Мама и Ник дружно рассмеялись.

— Не слушай его, Никки. Старый уже, ничего не понимает.

Отец что-то неразборчиво буркнул, взял банку с пивом и сделал несколько больших глотков.

— Торопиться некуда, — мама снова повернулась к сыну.

— Однажды твоя половинка сама тебя найдёт. И ты это сразу почувствуешь.

— Спасибо, мам.

35, Мейн-стрит, Стоун-Хейвен,

офис шерифа округа Айрон-Шорс

3 марта 2026 года

— Доброе утро. — Харт протянул руку Кларку. — Спасибо, что нашли время приехать.

— Всегда рад помочь, — отозвался тот, пожимая протянутую ладонь.

— Итак, доктор Кларк, расскажите подробно всё, что уже говорили моим ребятам. — Харт опустился в кресло и сцепил пальцы в замок. — Только давайте по порядку.

— Восемнадцатого декабря, в 7:50 утра, я приехал на работу. Как обычно, — начал доктор. — Подошёл к кабинету, вставил ключ, но повернуть не смог. И вытащить обратно —

тоже. Я наклонился, присмотрелся и понял: сердцевина сломана. Когда зашёл внутрь, сразу направился к телефону — хотел вызвать мастера. А подойдя к столу, увидел, что экран компьютера горит, и на нём открыта база данных пациентов и сотрудников.

Кларк замолчал и перевёл дух: всю историю он выдал на одном дыхании.

— Так, — Харт приподнял брови. — Вы запомнили дату и время? — В его взгляде скользнула настороженность.

— Мастер закончил в 10:40. — Кларк достал из папки бумажку и протянул шерифу. — Вот чек об оплате. Там всё указано. А утром я всегда приезжаю в одно и то же время, так что специально ничего не запоминал.

Харт взял чек, бегло просмотрел и перевёл на собеседника уже не просто удивлённый, а оценивающий взгляд.

— Жена приучила хранить все чеки, — словно оправдываясь, добавил доктор.

— Понятно, — протянул Харт. — Скажите, у кого-нибудь из сотрудников есть доступ в кабинет или к базе?

— Исключено. Ключ только у меня, и пароль от базы знаю тоже только я.

— Тогда не могли бы вы предоставить мне полный список сотрудников и их личные дела?

— Они у меня с собой. — Кларк снова полез в папку и извлёк аккуратную стопку документов. — Я подумал, что они могут понадобиться.

— Весьма предусмотрительно с вашей стороны, — заметил Харт, и в его тоне послышалось неподдельное одобрение.

Кларк положил бумаги на стол, не скрывая удовлетворения от своей щепетильности.

— Скажите, доктор, а как часто у вас меняются сотрудники? — Шериф подтянул к себе личные дела, отодвинув остальное в сторону.

— У нас почти все работают по несколько лет. Только одна девушка устроилась медсестрой в конце прошлого года.

— Как её имя?

— Амелия Рейнолдс. Переехала из Гранд-Рапидс.

— Из Гранд-Рапидс в Стоун-Хейвен? — Харт удивлённо вскинул бровь, быстро нашёл нужное дело и отложил его отдельно.

— Да, я тоже удивился. — Кларк усмехнулся. — Но это же молодёжь — от них можно ожидать чего угодно. — Он мельком взглянул на часы. — Если позволите, я пойду. Дел невпроворот.

— Разумеется, доктор Кларк. — Харт поднялся из-за стола и снова протянул руку. — Спасибо вам. Вы очень помогли.

— Если возникнут вопросы, обращайтесь в любое время. — Кларк пожал руку шерифу и направился к выходу.

— Доктор Кларк, — окликнул его Харт, когда тот уже взялся за ручку двери.

Кларк обернулся, вопросительно глядя на шерифа.

— А что насчёт Адама Морса?

— Морса? — Кларк на мгновение задумался. — Адам работает у нас почти полтора года. Отличный сотрудник. А что?

— Нет-нет, ничего. Просто уточнял. Всего доброго.

Кларк кивнул и вышел, осторожно притворив за собой дверь.

Харт опустился в кресло и с минуту сидел неподвижно, глядя на закрытую дверь. Затем нашёл личное дело Адама Морса и положил его рядом с документами Амелии Рейнолдс. Достал из пачки сигарету, прикурил и, откинувшись на спинку, задумчиво пустил дым в потолок.

17А, Блэк-Спрус-роуд, Стоун-Хейвен,

хоспис «Тихая гавань»

5 марта 2026 года

— Добрый вечер, — поздоровался Адам, подходя к стойке регистрации.

— Здравствуйте, доктор. — Маргарет протянула ему журнал и ручку. Она буквально светилась изнутри — щеки порозовели, глаза блестели.

— Что нового? — спросил он, склоняясь над журналом.

— Сегодня Мария Васкес уехала домой, — выпалила Маргарет, с трудом сдерживая эмоции.

Адам замер. Медленно поднял голову, вглядываясь в её сияющее лицо.

— Она с родителями заезжала из госпиталя за вещами. Выписалась! — Женщина прижала ладони к груди. — Господь присматривает за этим местом. — Она коснулась крестика на шее, поднесла его к губам.

«Это очень плохо. Убийца точно прознает. А мы до сих пор понятия не имеем, как его остановить. Или хотя бы найти».

— Хорошая новость, — через силу улыбнулся Адам. — Амелия уже пришла?

— Пока нет, но обычно она появляется раньше.

— Понял. — Он быстро расписался, вернул журнал. — Спасибо.

«Нужно внимательно осмотреть всех детей на обходе. Мало ли кто ещё чудесным образом идёт на поправку».

— Всё, Лиззи. — Адам закончил осмотр и поднялся с краешка кровати. — Теперь отдыхай.

Он уже направился к двери, когда в спину ударил тихий голосок:

— Доктор Адам...

Он обернулся. Девочка смотрела на него из-под одеяла огромными глазами.

— Что такое?

— А ко мне тоже придёт ангел?

Адам замер.

— Ангел?

— Мария сказала, что к ней ночью приходил ангел. — Лиззи перевела дыхание, вспоминая. — Он забрал её рак.

Он молча уставился на неё, не зная, что ответить. В голове лихорадочно заметались мысли: «Больше ни у кого улучшений нет. Чувствуют себя так же, как вчера. Как исцелилась Мария? Вряд ли здесь замешаны высшие силы».

— А как он выглядел, этот ангел? Она не говорила?

— Было темно. — Глаза Лиззи заблестели. — Он подошёл к ней, а она притворилась, что спит. Мария сначала испугалась. А потом в комнате стало ярко — как днём. А когда она открыла глаза, уже утро было, и она чувствовала себя здоровой.

«Она будто меня описывает».

— Отдыхай, Лиззи.

— А ангел? — с надеждой повторила она.

— Он придёт. — Адам тихо улыбнулся ей. — Обязательно придёт.

Выйдя из палаты, он быстрым шагом направился к стойке регистрации. Амелия уже была там — стояла рядом с Маргарет и просматривала какой-то журнал.

— Привет, — улыбнулась она, поднимая глаза.

— Привет. — Он попытался улыбнуться в ответ, но вышло натянуто. — Ты давно здесь?

— Я уже час как здесь. — Амелия чуть склонила голову, внимательно вглядываясь в его лицо. — Просто ты был на

обходе.

Адам перевёл взгляд на Маргарет, стараясь не выдать волнения.

— Маргарет, подскажите, кто работал в ночь с первого на второе марта?

— Что-то случилось? — она обеспокоенно подалась вперёд.

— Нет-нет, ничего такого. — Адам постарался успокоить её. — Просто пара вопросов появилась.

Маргарет раскрыла журнал, перевернула страницу, провела пальцем по записям.

— Так... — протянула она. — Доктор Уэллс и сестра Фостер. — Подняла глаза на Адама. — А что?

— Понятно. — Он задумался, глядя куда-то в сторону.

— В чём дело? — Амелия шагнула ближе, вглядываясь в его лицо.

— Всё хорошо. Просто интересуюсь.

Ложь была заметна невооружённым взглядом, но Амелия промолчала. Только чуть прищурилась, словно запоминая этот момент.

Глава 5

1824, Эшвуд-лейн, Стоун-Хейвен

7 марта 2026 года

Стоун-Хейвен уже всюду окутала холодная ночь. Ветра почти не было, и снег маленькими хлопьями падал плавно и ровно. Фонари горели тускло, почти не спасая город от опустившейся тьмы. Адаму это было только на руку — привлечь внимание он не хотел.

Он ходил вдоль забора, не сводя глаз с окон. Свет горел, но ни движения, ни силуэтов. Адам сжимал и разжимал кулаки в карманах куртки.

Что-то мелькнуло за стеклом. Адам остановился, вцепившись взглядом в окно. По телу пробежал холодок. Он замер, даже дыхание задержал.

«Ну же. Выгляните. Хоть кто-нибудь».

Нервы были на пределе. Хотелось бежать к двери и ломиться как сумасшедший.

В окне появилась маленькая фигура.

«Мария».

Адам схватился за забор двумя руками, опустил голову и перевел дух.

«Это последний адрес. Значит, пока что по всему списку всё в порядке».

Он отдышался и спешно направился на встречу с Амели-

ей. С чувством выполненного долга.

«Каждый вечер я не смогу патрулировать по адресам. Рано или поздно кто-нибудь обратит на меня внимание и вызовет полицию. Этого мне только не хватало».

Вдоль дороги неторопливо проезжало несколько машин. Одна из них сбавила ход, поравнявшись с Адамом, и несколько метров проехала рядом. Он повернул голову и остановился. Машина, резко дёрнувшись, поехала дальше, оставляя за собой след из выхлопных газов.

«Должно быть, меня с кем-то спутали. Или хотели спросить дорогу, но передумали. Не важно».

Адам перешёл на другую сторону дороги и продолжил путь. Бросил взгляд на часы и прибавил шагу.

«Амелия, скорее всего, уже на месте».

Он оглянулся в надежде увидеть хоть одно такси. Но в пределах видимости не было вообще никакого транспорта.

«Когда уже полиция начнёт хоть что-нибудь предпринимать? Не пришлось бы мне бегать по всему городу».

Адам с досады сжал губы и глубоко вздохнул.

Подумав о девушке, он немного успокоился. В районе солнечного сплетения стало теплее, и это тепло плавно разлилось по телу.

«Думаю, она не рассердится из-за моего опоздания».

Адам ухмыльнулся и ещё больше ускорил шаг.

Паб «Старый лось»

2480, Олд Мус Трейл, Стоун-Хейвен

7 марта 2026 года

— Мы можем пойти в другое место, — Адам внимательно смотрел на Амелию. — Поспокойнее и...

— Поприличнее? — она закончила за него с лёгкой насмешкой. — Нет. Мне здесь нравится. — Амелия уселась поудобнее, оперлась на спинку стула. — Это место живое, настоящее.

— Как скажешь, — Адам кивнул, чувствуя, как отпускает напряжение. — Что тебе взять?

— Я бы не отказалась от пинты эля.

— Эль?

— Я же могу не притворяться с тобой? — она едва заметно улыбнулась уголком рта.

— То есть ты обычно притворяешься?

— Иногда. — В её глазах мелькнул тёплый огонёк, и Адам невольно улыбнулся в ответ.

Через несколько минут они уже сидели друг напротив друга. У Адама — пинта лагера, у Амелии — кружка крепкого копчёного эля.

В пабе было людно. Голоса посетителей сливались в неразборчивый гул, едва долетая до Адама. На фоне играл кантри из старого музыкального автомата.

А над их столиком, посреди этого шума и полумрака, тускло светила маленькая старинная лампочка. Её свет падал на лицо Амелии, и в этой тени оно становилось ещё вы-

разительнее.

Она отпила совсем чуть-чуть, закрыла глаза, явно наслаждаясь, и поставила кружку на подставку. Щёки тут же начали наливаться румянцем.

Адам рассматривал девушку. Её изящные движения, завораживающий взгляд, то, как она говорила или улыбалась. Каждый раз он замечал в ней что-то новое. И каждый раз она нравилась ему всё больше. От этой мысли становилось не по себе, но безотчётное притяжение было сильнее любых опасений.

— Итак, мистер Морс, — Амелия слизнула кончиком языка остатки пены с губ. — Ничего не хотите мне рассказать?

— Что рассказать? — замялся Адам.

— Вы странно себя ведёте последние несколько дней, — она водила пальцем по краю кружки, глядя, как свет лампы отражается в напитке. — Опоздываете. — Амелия подняла взгляд. — Раньше я такого за вами не замечала.

Адам молчал, на мгновение потеряв дар речи.

— Вы что-то от меня скрываете? — она тихо рассмеялась, и глаза её улыбнулись, когда она заметила, как он напрягся.

«Ничего такого. Просто я забираю жизнь у мёртвых и отдаю её умирающим детям. А теперь кто-то охотится на меня и на тех, кого я спас. Обычные рабочие будни».

— Может, ты сочтёшь меня ненормальным, — Адам сделал паузу, поставил бокал на стол и чуть наклонился к ней.

Улыбка исчезла с лица Амелии. Адаму нравилось, как серьёзно она смотрит. Как ждёт. Девушка будто чувствовала: сейчас он скажет то, чего не говорил никому. Глаза её искрились в предвкушении, и Адам, глядя в них, видел своё отражение.

— В свободное от работы время я спасаю город от преступности.

Тон его был максимально серьёзным.

Амелия застыла, глядя ему в глаза. Адам держал лицо, пока её губы не дрогнули. Она всматривалась в него ещё несколько секунд — и рассмеялась.

— Л-а-а-адно, — Амелия перевела дыхание. — Не буду лезть с расспросами.

Огонь в душе стремительно разгорался. Адам понимал: девушка напротив — его спасение. Но из головы не выходил кошмар глазами Брайана. И страх постепенно накрывал его. Страх за Амелию.

— За развитие твоего чувства юмора, — девушка подняла кружку.

Адам усмехнулся, взял свой бокал и поднял вверх.

Снег перестал идти. Небо почти чёрное, и полная луна на этом тёмном полотне разгоняла тьму куда лучше блеклых фонарей. Ветра почти не чувствовалось, и лёгкий ночной мороз заставлял снег искриться в лунном свете.

Снаружи было тихо и спокойно — словно душевное со-

стояние Адама отразилось на всём вокруг.

Амелия оступилась, чуть не упав. Адам подхватил её под руку, помогая удержать равновесие. Они рассмеялись и пошли дальше. Он так и не отпустил её руку, а она не пыталась её высвободить.

Адам молчал, боясь спугнуть момент. Амелия тоже не проронила ни слова — только сжала его ладонь сильнее. Слова были не нужны. Они давали друг другу то, чего им не хватало больше всего, — тепло. Оно проникало в самые глубины души.

Остановившись у небольшого дома с табличкой «8, Хайленд-роуд», Амелия повернулась к Адаму и посмотрела ему в глаза.

— Вот мы и пришли. — Эти слова стали первыми за всю дорогу от паба.

Мягкий, нежный голос отрезвил Адама, вернув из тишины, сопровождавшей их весь путь. Он смотрел ей в глаза, проваливаясь в зелёную глубину.

Она положила ладонь ему на щеку, привстала на носки и поцеловала в губы.

Электрический разряд ударил по всему телу. Адам закрыл глаза — её губы обжигали теплом. В ушах зазвенело. Он отпустил её руку и мягко положил ладонь ей на талию.

Амелия плавно закончила поцелуй. Она медленно опустилась на пятки, но не спешила открывать глаза.

Эти несколько секунд длились бесконечно долго. Адам не

спешил выходить из этой вечности. Он всей душой желал в ней раствориться.

— Кто вы, миз Рейнолдс? — он почти шептал, голос дрожал.

— Может быть... — Амелия повернула голову, запнулась на мгновение. — Я теперь твоя девушка? — она медленно вернула взгляд на Адама.

— Я хочу этого больше всего на свете. — Он провёл рукой по её волосам, немного наклонился и невесомо прижался к её губам.

Она ответила на поцелуй.

— Мне пора. — Она положила руку ему на грудь. — До завтра, Адам. — Её губы дрожали.

Он посмотрел ещё раз в её глаза, чтобы запечатлеть в памяти этот блеск.

— До завтра, — улыбаясь, тихо сказал Адам.

Амелия лёгкой походкой направилась к дому. Адам провожал её взглядом. Дойдя до двери, она обернулась и отправила ему воздушный поцелуй. Он улыбнулся и ответил тем же. Девушка скрылась за дверью, и Адам, поймав себя на мысли, что всё ещё улыбается, отправился домой.

Судебно-медицинский центр округа Айрон-Шорс

17, Блэк-Спрус-роуд, Стоун-Хейвен

9 марта 2026 года

— Так вы теперь встречаетесь? — у Ника от любопытства

горели глаза.

— Вроде того, — ответил Адам, не отвлекаясь от журнала.

Ник встал со стула и, обойдя стойку, подошёл к другу вплотную.

— Ну ты чего? — он толкнул локтем в плечо Адама. —

Мне можешь рассказать, ты же знаешь.

Адам вздохнул, отложил ручку и поднял глаза.

— Мы сходили в «Старый лось», и я проводил её до дома.

Всё.

— Ты отвёл девушку на свидание в паб? — Ник фыркнул и громко рассмеялся.

Адам смотрел на него серьёзно, но через несколько секунд не выдержал и усмехнулся.

Входная дверь распахнулась.

— Шериф? — Ник поперхнулся смехом. — Доброе утро.

— Доброе, — сухо ответил Харт и резанул взглядом по

Нику. — Брукс, оставь нас.

Ник на мгновение застыл.

— Мне как раз нужно было отлучиться. — Он быстро опомнился, схватил с крючка куртку и выскользнул за дверь.

— Шериф, — Адам насторожился. — Что-то случилось?

«Если он сам приехал, значит, дело серьёзное».

Харт подошёл к стойке, сунул руку во внутренний карман, достал конверт и бросил на стол.

Адам посмотрел на конверт, потом на шерифа.

— Можешь ознакомиться, — Харт смотрел в упор, без

эмоций.

Адам взял конверт, вскрыл, достал снимки.

— Что это? — он листал фотографии, и с каждой внутри холодело.

— Ты мне скажи, — голос шерифа зазвенел.

«Твою мать! Это же я! Что за фигня?!»

Адам поднял на Харта шокированный взгляд.

— Какого хрена ты делаешь?! — Харт уже не сдерживался.

Адам открыл рот, но не смог выдавить ни слова.

— Тебе повезло, что мои люди тебя не арестовали!

— Я не понимаю, — голос Адама дрогнул.

— Что тут непонятного? Я выставил слежку по всем адресам, которые ты принёс!

— Но я никого не видел.

— А ты думал, я тачку с мигалкой у каждого дома поставлю?

«Та машина возле дома Марии. Точно. В ней были копы. Узнали меня, когда я обернулся, потому и уехали».

— Ты хоть понимаешь, что мог спугнуть убийцу?

— Я не знал, что вы поставили слежку.

— Не мешай работать полиции, Морс. В следующий раз арестуют. Ты меня понял?

— Если бы вы сразу сказали...

— Ты меня понял?! — рявкнул Харт.

— Да.

— Вот и отлично.

Харт развернулся, быстро дошёл до двери и хлопнул ею.

«Он всё-таки поставил наблюдение. С чего бы вдруг? Прислушался ко мне? Вряд ли. Значит, они что-то нарыли».

Адам трясущимися руками взял снимки, положил обратно в конверт и бросил в урну. Он сделал глубокий вдох и выдохнул, пытаясь снять напряжение и унять озноб.

Дверь снова открылась, и вошёл Ник.

— Что ему было нужно? — Он смотрел на встревоженного друга.

— Да так, пустяки, — отмахнулся Адам.

— Ты куда-то вляпался?

— Нет, — он повернулся к Нику. — Шериф просто поделился, как продвигается дело «кукловода».

— Понятно. — Ник подозрительно смотрел на друга. — И как оно продвигается?

— Не очень, — бросил Адам. — Ладно, пора работать. — Он открыл дверь секционной и вошёл.

Ник подошёл к своему креслу, сел и глубоко задумался, глядя на дверь, за которой скрылся Адам. Подъехав на колёсиках к столу, он заметил белый конверт, одиноко лежавший в урне. Достав конверт, Ник открыл его и вынул снимки. Он неосознанно повернул голову в сторону секционной и застыл. Открыв выдвижной ящик, взял пистолет, ловко извлёк магазин и осмотрел его. Убедившись, что всё в порядке, Ник выдохнул и вернул оружие на место. Затем подтянул к

себе журнал и принялся заполнять.

Адам закрыл за собой дверь секционной. Он стоял в почти полной тишине, и только монотонное, чуть вибрирующее гудение люминесцентных ламп нарушало её. Опершись руками о холодную плитку стены и прижавшись к ней лбом, Адам дал волю телу. Волна дрожи прокатилась по нему, ноги подкосились. Ему нечем было дышать — он стал жадно хватать ртом холодный воздух, чтобы не потерять сознание. Повернувшись спиной к стене, Адам прижался к ней и медленно сполз на пол. Обхватив голову руками, он пытался сдерживать охватившую его паническую атаку.

«Амелия. Амелия. Амелия».

Лёгкие начали наполняться кислородом. Дышать стало легче. Дрожь постепенно отступала. Он прислонился затылком к стене, вытер холодный пот краем медицинского халата, и на побледневшем лице начала проступать краска.

— Спасибо, Амелия, — прошептал Адам, продолжая сидеть на полу и думать о ней.

35, Мейн-стрит, Стоун-Хейвен
офис шерифа округа Айрон-Шорс
9 марта 2026 года

— Сэр. — Офицер Смит приоткрыл дверь кабинета шерифа. — Вы вызывали?

— Да, Стивен. — Харт оторвался от бумаг и поднял глаза.
— Заходи.

Смит аккуратно прикрыл дверь и подошёл к столу.

— Что-то случилось, сэр? — в голосе сквозило недоумение.

— Нужно присмотреть за кое-кем.

— В смысле?

— Проследить.

Смит молчал, выдерживая тяжёлый взгляд шерифа.

— Мы уже ведём шесть объектов, сэр. — Он заметно нервничал. — Людей нет. Парни и так вкалывают сверхурочно.

Харт выслушал не перебивая.

— Затем я тебя и вызвал. — Он кивнул на кресло. — Присядь.

— Если не возражаете, я постою.

Шериф согласно кивнул, достал сигарету и закурил.

— Адам Морс. — Харт выпустил дым. — Проследи за ним лично.

— Вы подозреваете его? — Смит удивился.

— Нет. — Шериф качнул головой. — Хочу, чтобы он не натворил глупостей и не сорвал нам дело.

Смит слушал, не перебивая.

— О каждом его шаге докладывай мне. Лично. В любое время.

— Понял.

— Спасибо, Стивен. Я этого не забуду.

— Разрешите идти?

— Давай.

Смит вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь. Харт за- тушил окурок и вернулся к бумагам.

Раннее утро. На улице лёгкий мороз и почти безветренно. Солнце ещё даже не начинало подъём.

После ночной смены в «Тихой гавани» Адам проводил до- мой Амелию и уже спешил к себе. Проведя ночь рядом с де- вушкой, он зарядился положительными эмоциями, но разго- вор с Хартом не выходил из головы.

«Если шериф решил установить слежку, значит, у него по- явился повод полагать, что я прав и дети могут быть в опас- ности. Но он не знает, что в опасности вообще все, кто имеет ко мне хоть какое-то отношение. А объяснить ему это я не смогу. Пусть смотрят за адресами. Там они будут полезнее меня. Но за Амелией должен присмотреть я».

Адам уже поднимался по ступенькам на свой этаж, сам не заметив, как быстро добрался до дома.

«Может, предложить ей съехаться? Тогда она всегда будет рядом, в безопасности».

Он усмехнулся своим мыслям, но улыбка пропала момен- тально. Адам стоял с ключом в руке у двери своей квартиры. Она была чуть приоткрыта.

«Что на этот раз?»

По спине пробежал холодок. Ладони вспотели. Он убрал ключи в карман и кончиками пальцев толкнул дверь.

Адам сделал несколько медленных шагов вглубь квартиры.

«На ограбление не похоже. Вроде всё на своих местах».

Пройдя дальше, он заметил свет из ванной комнаты. Машинально ощупал карманы в поисках хоть чего-нибудь, что можно взять в руки. Приближаясь к свету, Адам сам не заметил, как шаги стали короче и тише. Дыхание учащалось. Всё тело покалывало, словно тысячами иголок. Глаза неприятно защипало, и он на долю секунды сомкнул веки, осознав, что от напряжения забыл моргать.

Протёр глаза рукавом куртки — на тёмной ткани остались влажные разводы. Шагнул в ванную. Застыл на мгновение. Попятился назад и, зацепившись ногой за порог, упал, ударившись спиной о стену.

Ни одна часть тела не слушалась. Как и глаза, которые он не мог отвести от того, что лежало на умывальнике.

Ясность реальности начала тонуть во мраке, и Адам окунулся в неё.

Кафе «Лунная соната»

221 Бликер-стрит, Нью-Йорк

14 августа 2020 года

Солнце поднялось почти к зениту. День набирал обороты. Запах кофе и свежей выпечки плыл над тротуаром, а из открытых дверей кафе лилась классическая мелодия.

Адам сделал глоток и поставил чашку на блюде.

— Ты даже не притронулась. — Он кивнул на пирожные, вглядываясь в лицо Эбигейл. — Пообедала раньше? Без меня? — уголки его губ дрогнули в улыбке.

— Не успела проголодаться. — Девушка подалась вперёд и обхватила ладонями кружку.

Солнечные лучи падали на её лицо, высвечивая неестественную бледность.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — Адам нахмурился. — Выглядишь усталой.

— Всё хорошо. — Эбигейл отпила латте и сильнее сжала тёплую керамику, словно пытаясь согреться. — Просто день выдался тяжёлый.

— Проблемы на работе?

— Нет. — Она качнула головой. — Дел навалилось. Приходится выкручиваться.

— Ты справишься. Ты всегда находишь выход.

Эбигейл мягко улыбнулась, поставила кружку и поднялась.

— Я побегу, иначе попаду в пробку. — Она сняла сумку со спинки стула. — До вечера.

Девушка направилась к выходу.

— Погоди. — Адам догнал её в два шага.

Она обернулась. Он прикоснулся ладонью к её холодной щеке и поцеловал.

— Люблю тебя. — Адам заглянул в глаза Эбигейл. В уголках блеснула влага. — Что случилось, милая? — Он осто-

рожно провёл пальцем по щеке, стирая сорвавшуюся каплю.
— Просто... — Голос дрогнул. — Я тоже тебя очень люблю.

Адам коснулся губами её лба и поправил выбившуюся прядь.

— Беги, красотка.

Эбигейл крепко прижалась к нему, уткнувшись носом в грудь. Она замерла в этом объятии на секунду дольше обычного, как замирают перед долгой разлукой. Подняв глаза, она коснулась холодными пальцами его ладони, улыбнулась и быстро пошла к стоянке такси.

С работы Адам летел как на крыльях. По дороге прихватил букет цветов и бутылку красного вина — того самого, которое они пили в первый вечер. Из кармана он достал квадратный бархатный футляр её любимого красного цвета, осторожно открыл, проверил, на месте ли кольцо, и убрал обратно.

Дойдя до дома, решил подняться на двенадцатый этаж пешком — нужно было собраться с мыслями.

«Так. Я подожду, пока она отвернётся, встану на колени, достану футляр и открою. Потом позову. Она обернётся и замрёт. А обрадуется ли?»

Адам нахмурился, но через секунду снова улыбнулся.

«Конечно, обрадуется. Это же Эбигейл. Моя Эбигейл».

Он остановился на нужном этаже, хватая ртом воздух.

Прислонился на секунду лбом к стене, глубоко вздохнул и, всё ещё тяжело дыша, пошёл к двери.

Потянувшись к ручке, заметил, что дверь приоткрыта.

«Ну как обычно».

Улыбнувшись, он бесшумно толкнул дверь, шагнул внутрь и беззвучно прикрыл её за собой — сюрприз должен удаться.

В квартире висела тишина. Ни голоса, ни телевизора, ни музыки, которую она всегда включала за уборкой.

«Может, уснула? Так даже лучше».

Адам сделал несколько осторожных шагов и заглянул в гостиную. Диван пуст. Зашёл на кухню, зажёг свет. Никого.

Взгляд упал на стол. На нём лежал вскрытый конверт, из которого торчал уголок письма.

Адам подошёл и взял конверт.

Отправитель:

Мемориальный онкологический центр имени Слоана —
Кеттеринга

1275, Йорк-авеню

Нью-Йорк, NY 10065

Получатель:

Эбигейл Хелен Митчелл

345, Ист-57-стрит, кв. 12В

Нью-Йорк, NY 10022

Адам достал письмо. Руки дрогнули. С каждой строчкой тело наливалось свинцом, ноги переставали слушаться. Гла-

за защипало, и сдерживаться больше не было сил. Слезы падали на бумагу, расплывая чернила на строке, которую он перечитывал снова и снова, отказываясь верить.

Glioblastoma multiforme (GBM), Grade IV.

Пальцы разжались, и письмо, планируя, опустилось на пол. Он пошёл на свет, сочившийся из-под двери ванной. Опираясь о стены, добрался до двери. Пересилил себя и шагнул внутрь.

Тяжёлый, приторный запах ударил в нос, и он рухнул на колени.

Эбигейл лежала в ванне, в мутной, бурой от крови воде. Голова склонилась на плечо, рот приоткрыт, губы посинели. Глаза открыты — уставшие, пустые. На щеках застыли влажные полосы.

Адам схватился за умывальник, с трудом подтянулся и встал. Шагнул к ванне, обхватил Эбигейл руками, вытащил из воды и сел на пол, прижимая её к себе.

— Господи... Прошу тебя... — слёзы стекали на её лицо. — Почему ты молчала?! — сквозь зубы процедил он.

Эбигейл безжизненно лежала в его руках. Глубокие раны на запястьях всё ещё сочились.

Адам прижал ладонь к её щеке и изо всех сил попытался передать ей всё тепло, всю жизнь, накопленную за годы работы в морге.

— Ну же! Давай! Прошу! — он давил ладонью всё сильнее.

Ничего. Тело ещё хранило тепло, но сердце уже молчало. Собрав последние силы, он сделал ещё одну попытку. Ладонь обожгло жаром, и он отдёргнул её.

В голову с бешеной скоростью хлынули образы, врезааясь в сознание.

— Н-е-е-ет! Нет, нет, нет! Остановись! — Адам бил себя по вискам, пытаясь не видеть будущее, которое теперь захлестнуло его разум. Будущее, в котором она всё же сказала бы ему правду, а он перестал бы скрывать свой дар.

Будущее, которое уже не наступит.

— Прости меня. Прости меня. Прости меня. — шептал он, раскачиваясь взад-вперёд, словно убаюкивая. Прижавшись лицом к мокрым волосам, он гладил её по голове, а перед глазами всё плыли и плыли фрагменты, оставляя на душе незаживающие следы.

В груди всё сильнее колотилось сердце, сбивая дыхание. Адам пытался шевелить ногами, но не мог их даже почувствовать. Он морщился от стука в висках — тот усиливался с каждой попыткой двинуться. Глаза заволокло туманом.

Сквозь пелену пришло осознание: здесь был он. Пока Адам работал в «Тихой гавани» на ночной смене, у блюдоков вошёл в его квартиру. Эта мысль пугала сильнее, чем всё, что он уже увидел.

Из коридора донеслись тяжёлые шаги. Адам откинул затылок на стену и повернул голову на звук. Он закрыл глаза

в ожидании, принимая свою судьбу.

«Пусть на мне всё это закончится».

— Чёрт!

Адам услышал голос и открыл глаза. Картинка постепенно начала обретать фокус.

— Смит?! — голос с трудом вырвался из горла.

— Ты в порядке? — Офицер Смит подбежал к Адаму, пряча пистолет в кобуру. — Что случилось? — Он наклонился, чтобы помочь ему встать, и бросил взгляд в ванную.

Смит застыл на месте, пытаясь рассмотреть то, что лежало на умывальнике. Его лицо за долю секунды приобрело бледный оттенок. Он пошатнулся и машинально потянулся к рации — забыл, что по гражданке её не носят.

На умывальнике в лужице крови лежала пара глаз, направленных прямо на вход в ванную. От глазных яблок тянулись пучки зрительного нерва, сосудов и мышц, приклеившихся к стенкам.

— Помоги встать. — Голос Адама, разорвавший тишину, вывел офицера из оцепенения.

Смит перевёл взгляд на него, сидящего на полу и тянущего руку. Взял под мышки и с усилием поставил на ноги.

— Я жду объяснений. — Он нажал ладонью Адаму на грудь, прижимая к стене.

Адам слегка поморщился.

— Я вернулся домой. Дверь была приоткрыта. — Он заговорил медленно, перебирая в голове каждое слово, чуть ли

не по слогам. — Там горел свет, и я увидел это. — Кивнул в сторону ванной. — Пришёл в себя уже сидя на полу.

Смит убрал руку, и Адам согнулся, опираясь о стену. Ноги всё ещё плохо слушались.

— А ты здесь что делаешь? — Адам подозрительно посмотрел на Смита, приходя в себя.

— Я услышал грохот. — Смит зашёл в ванную и достал из кармана телефон, набирая номер. — Дверь была нараспашку. И вот я здесь.

— А почему ты вообще оказался рядом с моей квартирой? — Адам выпрямился и, глядя на Смита, ждал ответа.

— Сэр, вы просили сообщать вам лично. — Офицер уже говорил по мобильному, проигнорировав вопрос.

Адам нахмурился, заметив, что Смит ушёл от ответа, но промолчал.

— Срочно отправьте отряды по адресам «8, Хайленд-роуд» и «16, Хартвуд-лейн». — Смит замолчал на пару секунд. — Да, сэр. Понял. — Он закончил звонок и спрятал телефон в карман.

Адам молча наблюдал за ним.

— Ты знаешь, где это? — Смит указал пальцем на зеркало.

На нём толстым слоем был выведен адрес. Кровавые полосы тянулись от букв до самого низа зеркала. А белая керамика раковины пестрела мелкими тёмными кляксами — следы капель, стекавших сверху.

«Снова какой-то знакомый адрес. Я видел его совсем недавно».

Глаза Адама широко раскрылись, кровь ударила в виски с такой силой, что он покачнулся. Он облокотился на раковину, размазывая кровь рукой по керамике.

— Адам?! — Смит подошёл к нему и положил ладонь на спину. — Что с тобой?

Вынырнув из оцепенения, Адам рванул к выходу.

«Этого не может быть! Нет! Только не это! Нет! Нет! Нет!»

— Ты куда?! — Смит схватил его за руку, останавливая на полпути. Даже сквозь куртку он почувствовал, как его трясёт.

— Это адрес моей девушки. — Глаза Адама блестели от подступивших слёз.

Смит на мгновение растерялся и ослабил хватку, но тут же сжал пальцы сильнее.

— Не глупи. — Голос Смита был спокойным, ровным. — К ней уже отправился отряд. Быстрее них ты не будешь.

Адам вырвал руку, но прислушался. Он взял мобильный и непослушными пальцами набрал Амелию.

«Ну же! Ответь!»

Ответа не было. Адам набирал снова и снова, но безрезультатно. Бросив телефон на стол, он потянулся к бутылке, стоявшей рядом, и замер. Через мгновение медленно убрал руку и сел на кровать, опустив голову на ладонь.

Оставалось только ждать.

Адам покачивался, сидя на кровати, потирая и сжимая одну ладонь другой. Ожидание сводило с ума. Он то и дело вставал, подходил к мобильному на столе и снова пытался дозвониться до Амелии — без толку.

Смит сидел в кресле у входной двери, закинув ногу на ногу и нервно покачивая ступнёй. Он не выпускал из рук телефон, ждал новостей или приказа.

За всё время никто не обронил ни слова. Каждый был погружён в свои мысли.

Спустя полчаса телефон Смита заиграл мелодию. Он подался вперёд, опустил ногу на пол — кресло под ним скрипнуло. Встал, прокашлялся, собрался с мыслями и нажал «ответить».

Адам дёрнулся, вскочил, не сводя с него глаз.

— Да? — голос Смита звучал ровно, громко.

С каждой секундой его лицо менялось, теряло краски. Он медленно перевёл взгляд на Адама и молчал, слушая того, кто был на другом конце провода.

Адам шагнул к Смигу. Шаг получился тяжёлым, будто ноги наливались чугуном. Он смотрел, как у того бледнеет лицо и начинают трястись руки.

— Что там? — лицо Адама стало белым, как полотно. — Ну? Отвечай! — голос срывался, пронзал тишину.

Смит, не произнеся ни слова, завершил вызов и убрал те-

лефон в карман. Он рухнул в кресло, и во взгляде его читалась печаль, смешанная со злостью.

Мир в глазах Адама начал переворачиваться. Он попятился к кровати, чтобы не упасть, и рухнул на неё.

В тот же миг квартира наполнилась голосами и звуками. Смит встал и, жестикулируя, объяснял ситуацию коллегам.

— Мистер Морс? С вами всё в порядке?

Двое мужчин в форме скорой взяли его за руки и осторожно потянули на себя, усаживая на постели. Они светили фонариком в глаза, задавали какие-то вопросы. Адам смотрел в одну точку и молчал.

Он хотел, чтобы этого дня никогда не было.

Глава 6

Спускаясь по ступенькам, Адам всё больше погружался в белый шум. Голоса, шаги, звуки захлопывающихся дверей сливались в один непонятный гул. Происходящее вокруг теряло чёткость, и он даже не старался обращать внимание хоть на что-нибудь. Одни полицейские обгоняли его, стремясь быстрее добраться до выхода, другие спешили наверх, в его квартиру, то и дело толкая в спешке.

За Адамом спускался один из прикреплённых к нему офицеров, придерживая за локоть, чтобы тот, потеряв равновесие, не упал.

Когда они добрались до выхода, Адам с силой толкнул дверь. Утреннее солнце ослепило его, ударив прямо в глаза. Он прикрыл лицо ладонью и остановился, чтобы проморгаться и привыкнуть к свету. Просидев почти в полной темноте с задвинутыми шторами, он совсем забыл, что сейчас утро.

На улице уже стояли несколько полицейских машин, а за ними по периметру толпились зеваки. Офицер спешно подвёл Адама к одной из машин, открыл дверь и помог ему сесть.

В салоне вместо привычного гула его накрыла тишина. Он резко погрузился в вакуум, словно отделивший сознание от внешнего мира. Собственные мысли и сердцебиение теперь

оглушали. Адам закрыл глаза, пытаясь собраться, но стоило лишь опустить веки, как перед ним снова вставали Амелия, Брайан, Макс.

Он наклонился, опустив лицо в ладони, и только тогда ощутил, какие они шершавые. Убрав руки, увидел запёкшуюся кровь. При воспоминании об умывальнике в ванной его чуть не стошнило. Адам стал с усилием тереть одну ладонь о другую, и кровь отшелушивалась, скатываясь под ноги.

Офицер периодически посматривал в зеркало заднего вида, наблюдая за его странным поведением, но так и не проронил ни слова.

Наконец машина остановилась. Адам поспешил выйти, стараясь оставить все эмоции в салоне.

Подойдя к входной двери участка, он потянулся к ручке, но в этот момент дверь распахнулась. Оттуда выбежали двое полицейских, оживлённо о чём-то разговаривая. Адам придержал дверь и вошёл.

Участок встретил его смешанным шумом: голоса, шаги, трель раций, лязг металла — всё сливалось в сплошной гул. Офицер тронул Адама за плечо и жестом показал следовать за ним. Они прошли сквозь этот хаос к коридору, в конце которого у двери комнаты допроса стоял Харт. Дверь открылась, и из неё вышла Амелия.

Адам застыл на месте. В грудь ударился комок тепла, и волна разошлась по телу. Он пошатнулся, но почти сразу направился вдоль коридора, ускоряя шаг.

Амелия только успела повернуться в его сторону, как он тут же обнял её. Уткнувшись носом в её шею и сжимая объятия крепче, Адам словно заново наполнялся жизнью. Его горячее сбивчивое дыхание обжигало нежную кожу, а запах волос мгновенно успокаивал, захватывая собой все рецепторы. Амелия нежно обняла в ответ.

Он посмотрел ей в глаза, взял её лицо двумя ладонями и притянул к себе для поцелуя.

— Где ты была? — прошептал Адам.

— Дома, — удивилась Амелия.

— Я не мог дозвониться. Чуть с ума не сошёл.

— Да, прости, — она опустила глаза. — Телефон забыла в «Тихой гавани».

Амелия сняла его руки с лица и посмотрела на них.

— У тебя кровь на руках? — она шагнула назад, взволнованно осматривая Адама с ног до головы. — Что случилось?

— Со мной всё хорошо, — он успокаивал её, наблюдая, как она изучает его глазами. — Это не моя кровь.

Она вопросительно уставилась на Адама, явно ожидая объяснений.

— Ты давно здесь? — он пока не готов был ответить на все вопросы.

— Полицейские привезли меня час назад дать показания. Они сказали, у моего дома в машине нашли тело офицера. Адам, что происходит?

— Адам! — повышенным тоном окликнул его Харт.

Адам открыл рот, но не успел ничего сказать. Через плечо Амелии он посмотрел на шерифа.

— Зайди, — Харт всё ещё стоял у двери, держась за ручку.

— У вас будет время.

— Дождись меня, — шепнул Адам девушке и поцеловал в щёку. — Я всё объясню позже.

Амелия кивнула и села на один из стульев у стены.

Адам прошёл мимо шерифа в комнату и сел за стол, положив одну ладонь на другую.

Харт закрыл дверь, подошёл к видеокамере и отключил её. Он сел напротив Адама и всматривался ему в глаза, не отрываясь. Напряжение в комнате нарастало с каждой секундой.

— Ты должен рассказать мне всё, что знаешь, — спокойно сказал Харт.

— Вам, должно быть, уже обо всём доложили, — Адам старался держаться ровно, но ладони предательски потели. — Боюсь, что ничего нового вам рассказать не смогу.

«Если точнее, то я смогу, но тогда койка в психушке мне обеспечена. Ни один разумный человек не поверит, если я расскажу правду о себе или о том маньяке».

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне о другом, — Харт не отступал. — Ты знаешь больше, чем пытаешься показать.

Адам молча смотрел на шерифа, не показывая никаких эмоций. Но ощущение того, что Харт подозревает его в чём-то, заставляло нервничать.

Шериф подкурил сигарету и глубоко затянулся, смотря в потолок. Выпустив клубок дыма, он опустил глаза на Адама и снова вцепился в него взглядом.

— Почему он пришёл именно к тебе в квартиру и оставил адрес твоей подружки на зеркале?

— Я не знаю.

— Твою мать! — Харт со злостью процедил сквозь зубы и вскочил, уже не сдерживаясь. Стул пошатнулся, завис на двух ножках на мгновение и с грохотом упал на бетонный пол.

Он засунул руку в карман, достал какой-то предмет и бросил на стол перед Адамом.

Адам от неожиданности откинулся на спинку стула и смотрел на брошенный шерифом предмет.

— Это значок офицера Ричарда Хейза. — Харт перевёл дыхание, с усилием возвращая голосу спокойствие. — Сегодня я должен сказать его жене и дочери, что их любимый муж и отец больше не вернётся домой.

Он затушил недокуренную сигарету.

— Его нашли в машине, рядом с домом твоей девушки. — Харт сделал паузу, впиваясь взглядом в лицо Адама. — У него не было глаз. Надеюсь, ты можешь сложить дважды два.

Слова Харта прошили его тело насквозь. Он перевёл взгляд со значка на шерифа, и желание выложить всю правду едва не одолело его.

— Он оставляет послания для тебя. Это очевидно. Вопрос

— почему? — Харт поднял стул и снова сел напротив Адама.

— Ты знаешь, кем он может быть? Хотя бы предположения.

— Понятия не имею, — тихим голосом сказал Адам и обхватил голову руками. Он помолчал несколько секунд и глубоко вздохнул. — Я не меньше вашего хочу, чтобы этого урода поймали.

Харт глубоко вздохнул и сжал переносицу пальцами.

— Пока поживёте в доме с круглосуточным наблюдением. — Он снова закурил, возвращая себе прежнюю сдержанность. — Ни тебе, ни твоей подруге домой сейчас нельзя.

Адам кивнул и встал из-за стола, опираясь на стол руками.

— И ещё... — шериф затянулся. — Никаких ночных смен в «Тихой гавани». Ночью вы будете находиться только в доме под охраной.

— Что? — возмутился Адам. — Я должен...

— Не спорь, — отрезал Харт без каких-либо эмоций. — Ты не изменишь моих решений. Там есть кому работать, и от твоего отсутствия ничего не изменится.

Адам молча смотрел на шерифа. Убрав руки со стола, он развернулся и вышел из комнаты допроса.

Харт провёл ладонью по лицу и откинулся на спинку стула. Посидев минуту, он встал из-за стола и потянулся за значком своего подчинённого. Его взгляд упал на влажные отпечатки ладоней на столе. Задумчиво посмотрев на дверь, в которую только что вышел Адам, шериф взял значок и положил в карман.

*****"

Судебно-медицинский центр округа Айрон-Шорс
17, Блэк-Спрус-роуд, Стоун-Хейвен

— Вы можете пожить у меня, — предложил Ник, не раздумывая ни секунды. — У меня хватит места. Я уступлю вам свою кровать, а мне и на диване хорошо.

Адам посмотрел на Амелию, и лицо его залилось краской.

— Спасибо за заботу, — ответил он, — но Харт поселит нас недалеко от своего офиса, чтобы мы были у него на виду.

— Ну, если что, обращайтесь, — улыбнулся Ник.

Адам благодарно кивнул другу.

— Прости, что втянул тебя во всё это, — он обнял Амелию за талию. — Я не хотел подвергать тебя опасности.

— Я ни о чём не жалею, Адам, — она нежно провела ладонью по его щеке. — Уверена, что скоро всё закончится.

— Очень на это надеюсь.

— Почему он прицепился именно к тебе? — Ник повернулся в кресле к Адаму.

— Понятия не имею.

— Только не делай больше глупостей, — сказал Ник с обеспокоенным взглядом.

Адам недоумённо посмотрел на Ника.

— Я наводил порядок и нашёл в мусорном ведре конверт со снимками.

Его перетряхнуло, и краем глаза он увидел, как Амелия сверлила его взглядом.

«Чёрт побери! Я уже и забыл про них. Амелия сейчас подумает, что я и сам какой-то маньяк».

Краска моментально отхлынула от его лица. Адам не хотел, чтобы она узнала о его патрулировании, так как боялся её реакции.

Он положил руки на стойку и глубоко вздохнул.

— Что за снимки? — Амелия с недоумением посмотрела на Адама.

— Я ходил по адресам детей, которых я... — он запнулся на мгновение. — С которыми я работал.

— Зачем? — Амелия аккуратно взяла его за плечо и повернула к себе.

— Я думал, что им угрожает опасность. Хотел убедиться, что с ними всё в порядке.

— И поэтому ты ходил один по ночам, зная, что убийца на свободе? — Амелия была очень обеспокоена, но в её словах не было ни капли злости. — Как ты мог так рисковать собой?

— Прости, — Адам увёл взгляд в сторону.

— Не смей больше так поступать, — Амелия крепко обняла его.

Адам наполнился теплом, и казалось, что одно лишь присутствие Амелии согревает это холодное здание целиком.

Ник закрыл глаза и выдохнул, будто скинул груз с плеч.

«Я заберу всё, что имеет для тебя хоть какую-то ценность».

Адам обернулся, возвращаясь из тепла в холодную реаль-

ность. Эти слова в голове он услышал так отчётливо, словно их произнёс кто-то у него за спиной.

— Что-то случилось? — Амелия обеспокоенно посмотрела на него.

Ник привстал из-за стойки и уставился туда же, куда смотрел Адам. Ничего не увидев, он упал обратно в кресло, поглядывая на друга.

— Нет, ничего, просто послышалось кое-что, — он слегка улыбнулся и коснулся губами лба Амелии.

Внезапно дверь распахнулась, и вошёл Харт. Окинув всех взглядом, он молча взялся за дверную ручку, придерживая дверь. Двое санитаров внесли на носилках тело погибшего офицера, и шериф указал им жестом на вход в секционную.

Ник вскочил с кресла и застыл, провожая их глазами.

Адам почувствовал, как холодная рука, которая ещё мгновение назад согревала теплом, обхватывает его ладонь и сжимает всё сильнее. Амелия побледнела и опустила голову, уткнувшись в его плечо. Она словно чувствовала свою вину в этой бессмысленной смерти.

Харт медленно повернулся к Адаму. При свете люминесцентных ламп его лицо казалось более старым, чем всего несколько часов назад в участке, будто это утро отняло у него несколько лет.

— Отчёт о вскрытии мне лично и как можно быстрее, — голос Харта был тихим, но чётким.

Шериф на несколько секунд положил руку на плечо Хейза

и, не оглядываясь, вышел.

Санитары с носилками скрылись за дверью секционной. Ник со звуком выдохнул и отправился вслед за ними.

— Ты как? — Адам двумя пальцами приподнял лицо Амелии.

— Я в порядке, — она почти шептала и продолжала смотреть в пол.

— Он к тебе не доберётся. Я никогда не позволю этому случиться. — Адам пытался поймать её взгляд, но тот был намертво прикован к мраморному полу.

— Мне не страшно за себя, — она подняла влажные глаза, посмотрев на Адама. — Я боюсь потерять тебя.

Слеза сорвалась с уголка её глаза, но она поймала её, едва та начала свой путь.

Адам крепко прижал Амелию к себе и прошептал:

— Я всегда буду с тобой.

Он освободил её из объятий и провёл в комнату отдыха.

— Отдохни немного, — он указал в сторону дивана. — А я, как закончу, вернусь за тобой.

Она кивнула и не спеша пошла к дивану. Адам подождал, пока она не легла, и направился в секционную.

Адам стоял над телом офицера Хейза, настраивая свет лампы и глядя в его пустые глазницы.

«Глаза на умывальнике определённо принадлежали ему. Вот только в чём смысл? Тот урод ясно дал понять, что в

опасности все, кто мне дорог, но этого парня я вижу впервые».

Адам настроил свет так, как ему было нужно, и обошёл тело, осматривая его с головы до ног.

«Что он делал рядом с домом Амелии? Вряд ли он просто проезжал мимо посреди ночи и решил остановиться».

Он приоткрыл труп рот и внимательно осмотрел полость с помощью фонарика. Затем проверил ноздри и ушные раковины.

Адам молча проводил осмотр, не спеша и ничего не записывая. Он полностью погрузился в свои мысли, иногда отвлекаясь на потрескивание старых ламп.

«Так. Стоп. Как Смит оказался у меня дома почти сразу же, как я вошёл?»

Он выпрямился и уставился в одну точку. Перебирая в голове всю информацию, он чувствовал, как лицо обдаёт жаром прямо из-под кожи. Оно краснело, вена на лбу готова была лопнуть. Губы задрожали, и дрожащей рукой он швырнул фонарик в стену. С громким треском тот разлетелся на мелкие кусочки, которые посыпались на холодный кафель и разбежались по полу.

«Они следили за мной! И за Амелией!»

Адам подошёл к умывальнику, снял перчатки и бросил их на пол. Открыл кран с холодной водой, поднял щиток и промыл пылающее от злости лицо. Он посмотрел на своё отражение. Капли стекали по лицу, и казалось, что они испаря-

ются на ходу.

«Значит, на это средства и люди есть! Они что, подозревают нас в чём-то? Или, может, узнали что-нибудь обо мне? Как давно они ходят за нами по пятам?»

— Твою мать! — сквозь зубы процедил Адам и ударил ладонью по стене.

Адам ходил по секционной, и звук его шагов тяжёлым эхом раздавался по залу.

«Убийце это будет только на руку. Мы каждую ночь будем в одном и том же помещении, как на подносе. А копов он не боится и уже не раз это доказывал».

Он медленно подошёл к телу полицейского и положил руки на ледяной стол.

«Нужно закончить вскрытие. Может, он оставил послание, как было с Мартином».

Адам собрался с мыслями, взял чистые перчатки, опустил на лицо щиток и продолжил работу.

«Кроме Амелии и Ника доверять больше некому. Нельзя показывать, что я о чём-то догадываюсь, иначе втяну их в проблемы ещё глубже».

Он взял скальпель, и в секционной воцарилась тишина — как и у него в голове.

Олкотт-стрит, Стоун-Хейвен

17 января 2026 года

Он сидел на лавочке, шатаясь взад-вперёд, и нашёптывал

себе что-то под нос. Деревянное сиденье скрипело под ним с каждым покачиванием. Снег, падающий большими хлопьями, ложился на шапку и плечи, становясь тяжелее с каждым новым слоем. Фонари не работали, и на улице уже нельзя было никого встретить, но ему так было даже лучше — меньше взглядов, меньше лишнего шума. Только ветер и голоса в голове, которые не давали собственным мыслям пробиться наружу. Холод проникал сквозь несколько слоёв одежды, совсем не подходившей для такой погоды, но в центре помощи выбирать не приходилось.

Сквозь ветер послышался скрип снега, приближающийся к нему всё ближе. Он поднял глаза, всматриваясь в темноту, и из неё медленно выплыла фигура.

— Здравствуй, Мартиниан.

Его глаза блеснули, и на миг в голове проявилось полное осознание происходящего.

— Я не слышал этого имени, кажется, уже тысячу лет. — Он слегка ухмыльнулся и увёл взгляд в сторону. — Что тебе здесь нужно?

— Ты знаешь, — ответил человек в чёрном.

— Мой дар ушёл много лет назад. Думаю, ты уже понял.

— Я мечтал заполучить твой дар. Он был прекрасен. — Человек сделал ещё несколько шагов. — Но ты выбрал жалкое существование, наравне с этими насекомыми.

— В нём не было ничего прекрасного. — Он замолчал, поморщился и глубоко вдохнул морозный воздух, пытаясь

бороться с голосами. — Бесконечное количество лет невыносимых мучений — вот цена моего дара. Все их голоса были со мной, в моей голове, ни на миг не оставляя меня наедине с собой.

— Мне тяжело за этим наблюдать. — Человек отвернулся и сделал шаг назад. — Ты отказался от подарка судьбы, чтобы слоняться среди этих мерзких животных, которые показывают на тебя пальцем, когда проходят мимо. Ты выбрал состариться и бесславно умереть на грязной улице вместо того, чтобы править ими.

— Люди не должны жить тысячи лет.

— А боги должны!

— Ты не бог! — выпалил Мартиниан и встал с лавочки. — И никогда им не станешь! Ты тиран и убийца, которого ждёт тот же конец, что и всех твоих жертв!

Человек в чёрном замолчал и подошёл вплотную к Мартиниану. Ветер усиливался с каждой секундой, перебивая дыхание и ударяя в лицо.

— Я стану им, когда закончу с новорождённым. — Он улыбнулся, заметив, как меняется лицо Мартиниана. — Ты ведь знал, что я пришёл за ним, не так ли? Ты не мог не заметить его безрассудные деяния. С таким даром мне не будет равных.

Мартиниан сделал шаг назад, упёрся в лавочку и упал на неё. С болью в глазах он смотрел на него.

— Поэтому я и скрылся от тебя. Мне было больно видеть,

в кого ты превращаешься. — Он сел и опёрся о спинку лавочки. — Ты стал безжалостным чудовищем.

— Нет, — человек расплылся в широкой улыбке. — Я стал тем, кем мне суждено было стать.

— Таким, как мы, не место в этом мире.

— Достаточно, — отрезал человек.

Мартиниан смотрел ему прямо в глаза, но видел только чёрную бездну, в которой уже не найти ни кусочка души.

— Встань, мой старый друг, — человек протянул ему руку.

Мартиниан с отвращением посмотрел на протянутую руку и усмехнулся.

— Твои руки по локоть в крови не только невинных людей, но и наших собратьев, — он перевёл взгляд на его лицо.

— Я не хочу убивать тебя таким. Встань и прими смерть с честью, как воин, которым ты когда-то был.

— Ты уже давно забыл, что такое честь.

Человек в чёрном со спокойным лицом взял Мартиниана за волосы через шапку и поднял на ноги. Тот тихо застонал от неожиданности и, выпрямившись, без страха посмотрел в его бездонные глаза.

— Ты сделаешь для меня кое-что, — прошептал человек, продолжая держать Мартиниана за волосы.

— Ошибаешься, — морщась, посмеялся он. — Я лучше умру, чем буду иметь дело с тобой.

Тот посмеялся ему в ответ и с силой потянул Мартиниана.

на за волосы назад. Он безвольно запрокинул голову, приоткрыл рот, и человек положил ему что-то на язык.

— Передашь привет нашему новорождённому. — Он поджал челюсть Мартиниану и не отпускал, пока тот не сглотнул. — А теперь, — шептал человек ему прямо в ухо, — ты получишь то, что заслуживает каждое ничтожество, к которым ты примкнул, притворяясь одним из них.

Он ткнул пальцем в висок Мартиниана, и тот мгновенно обмяк у него на руках. Взгляд старика умиротворённо устремился вверх, а снежинки, падая на глаза, таяли, собираясь в их уголках и стекая водой по щекам. Человек осторожно провёл ладонью по его лицу, опуская веки.

Голоса, неустанно вещавшие многие века, вдруг замолчали, вслед за тем, кто нёс их в себе тысячи лет.

Хруст снега за спиной заставил его обернуться, но сквозь метель и тьму рассмотреть что-то было невозможно. Человек отпустил тело Мартиниана, и оно глухо, почти беззвучно, упало в сугроб рядом с лавочкой. Натянув капюшон ниже, он поспешно покинул место, в котором мгновение назад оборвалась вечность.

Глава 7

Дверь неприятно скрипнула и захлопнулась. Перед глазами предстало тёмное помещение с однотонными старыми обоями. Рука коснулась выключателя, и свет люстры осветил пустой коридор. Несколько шагов по нему, и они оказались в единственной комнате. Окна были завешены плотными шторами, совсем не пропускавшими свет с улицы. В углу стояла кровать с белым, слегка помятым постельным бельём. Напротив — письменный стол с настольной лампой и два старых деревянных стула.

— Пожалуй, постелю себе на полу, — Адам подошёл к прикроватной тумбочке и слегка поморщился от запаха сырости.

Пол устало скрипел под каждым его шагом. Он кинул ключи и снял куртку.

Амелия подошла к столу, провела пальцем по пожелтевшей от времени лампе и оставила полосу на слое пыли. Она посмотрела на Адама с лёгкой ухмылкой.

— Я не вижу здесь ещё одного комплекта белья, — Амелия аккуратно присела на кровать и провела ладонью по одеялу. — Да и одеяло только одно.

Адам повесил куртку на спинку стула и присел рядом с Амелией. Он взял её ладонь в свои руки и посмотрел ей в глаза.

— Не хочу, чтобы тебе было неудобно, — он поправил пальцами выбившуюся прядь волос и заправил её ей за ухо.

— Мне кажется, что неудобно себя чувствуешь ты, — она тепло улыбнулась. — Я была в местах и похуже этого.

— День был очень долгим, — сказал Адам после недолгого молчания. — Нам стоит немного отдохнуть.

Амелия плавно встала, завела руки за спину, и чёрное пальто соскользнуло с её плеч, мягко ложась на кровать.

— Тогда я схожу в душ, — она повернулась к Адаму и улыбнулась уголком рта. — А ты пока можешь приготовить постель.

Амелия сбросила туфли, провела ладонью по его плечу и бесшумными шагами направилась в ванную.

Адам, затаив дыхание, наблюдал за ней. Все его мысли вдруг куда-то ушли, а отвести взгляд было попросту невозможно. Она двигалась так плавно, словно время для неё текло иначе. Казалось, она парит в невесомости, и только лёгкий ветер подталкивает её.

Амелия включила свет в ванной и скрылась за дверью. Адам не спеша встал, взял пальто и бережно повесил поверх своей куртки.

Он вернулся к кровати, взял одеяло за уголки и встряхнул. Проверил состояние простыни и, убедившись, что всё в порядке, постелил одеяло обратно.

«Ну хотя бы постель чистая и есть две подушки».

Он подошёл к окну и отодвинул тяжёлую, липкую от ста-

рости шторы. Адам с отвращением посмотрел на ладонь, ожидая увидеть грязные следы, но на ней, кроме пыли, ничего не было. Внизу, напротив дома, стоял чёрный неприметный седан. Из одного окна с пассажирской стороны шёл клубами дымок.

«Мда. В засадах они мастера. Мы точно в полной безопасности».

Адам с горечью выдохнул и вернул шторы на место.

Внезапно он почувствовал резкое тепло, расплывающееся по спине, и до носа добрался знакомый запах. Адам обернулся, и его передёрнуло от неожиданности.

Амелия стояла перед ним, укутанная в полотенце, с собранными в пучок волосами. Тепло, исходившее от её тела, укутало его. Запах, тот самый, её запах, стремительно расплывался по всей комнате, напрочь перебивая дух старой квартиры.

— Я освободила ванную, — она расслабленно улыбнулась, сняла заколку и расправила волосы, придерживая полотенце одной рукой. — Выглядит она не очень, но зато есть горячая вода.

Адам не сводил с неё глаз, боясь пошевелиться и спугнуть этот волшебный момент. Амелия потрясла головой, расправила волосы и посмотрела на него.

— Что-то случилось? — она свела брови домиком и застыла.

— Ты очень красивая, — еле выдавил Адам, выйдя из сту-

пора.

Амелия улыбнулась и на цыпочках сделала два шага к нему.

— А вот за это спасибо, мистер Морс, — она игриво улыбнулась и провела ладонью по его щеке.

— Я тоже схожу, — Адам мягко взял её ладонь и поцеловал. — Постояю немного под горячей водой и приведу себя в порядок.

Амелия улыбнулась, кивнула ему в ответ и села на кровать. Адам прошёл в ванную комнату и закрыл за собой дверь. Он протёр запотевшее зеркало и всмотрелся в своё отражение.

«Выгляжу не так плохо, как я думал. Всё-таки отношения делают нас лучше».

Адам позволил себе улыбнуться и быстро скинул с себя одежду, насквозь пропитанную этим длинным ужасным днём. Он открыл кран с горячей водой, и по его телу побежали горячие струйки, быстро смывая всю тяжесть и усталость, копившиеся с самого утра.

«Убийца был нацелен на детей, а теперь резко перешёл на Амелию. Почему? Неужели сейчас в опасности только она и те, кто стоит на его пути? Тогда даже к лучшему, что мы здесь. Но если он не сможет добраться до нас, то дети и их семьи снова будут в опасности. А слежка не принесла никаких результатов, кроме снимков со мной».

Адам закончил мыться и постоял ещё несколько минут

под горячим душем. Он закрыл кран, вышел из душевой кабины и потянулся за чистым полотенцем. Его взгляд упал на запотевшее зеркало, а за мутным отражением Адама стояла тёмная фигура. Он резко обернулся и поскользнулся, чуть не упав. Сердце бешено колотилось. Привалившись спиной к холодной кафельной плитке, он закрыл глаза.

«Этот ублюдок плотно влез в мой разум через Брайана. Или, может, я просто уже схожу с ума».

Адам провёл ладонью по зеркалу и посмотрелся в него. Белки его глаз были почти красными, но зато за его спиной уже никого не было. Он протёр глаза ладонью и взял полотенце.

«Мне нужно просто поспать. Если буду высыпаться, то, может, он вылезет из моей головы окончательно. По крайней мере это работало раньше».

Адам открыл дверь и вышел из ванной. Его распаренное тело тут же встретил холодный воздух. Свет в комнате уже не горел, а на полу лежало мокрое полотенце. Адама слегка передёрнуло, и пульс ускорился. Амелия уже лежала в кровати спиной к нему, накрытая одеялом до самой головы. Он бесшумно скинул с себя полотенце поверх другого и надел чистое бельё. Тихими, медленными шагами подошёл к кровати, стараясь не разбудить Амелию, и лёг на край, оставляя достаточно пространства между ними. Накрывшись одеялом, он почувствовал, как сон начинает одолевать его.

— Я не кусаюсь.

Тихий и нежный голос доносился будто издалека. Адам дёрнулся от неожиданности, и картинка, которые уже успели прийти в состоянии полусна, мгновенно испарились.

Адам подвинулся к Амелии поближе и почти невесомо положил руку на её талию. Он забыл, как дышать, а сердце готово было пробить грудную клетку и выпрыгнуть наружу. Девушка спиной прижалась к Адаму, взяла его руку и положила себе под грудь. Тепло её кожи мгновенно согрело его, и на душе стало так спокойно, как не было уже много лет. Он не хотел, чтобы этот момент когда-нибудь закончился, и, уткнувшись лицом в её волосы, просто лежал всю ночь, словно оберегая сон своей девушки.

35, Мейн-стрит, Стоун-Хейвен
офис шерифа округа Айрон-Шорс
11 марта 2026 года

В деревянную дверь постучали, и старое стекло в окошке тихо задрожало.

— Войдите, — громко сказал Харт и поднял голову, отложив ручку в сторону.

Дверь открылась, и молодой офицер полиции вошёл в офис.

— Сэр, — с волнением в голосе начал он. — Вам письмо из «Леммен Холтон», Гранд-Рапидс.

Харт вскочил из-за стола и быстрым шагом подошёл к подчинённому. Тот отшатнулся, не ожидав такой реакции от

начальника.

Шериф взял конверт из рук офицера и открыл его. Он спешно достал письмо, развернул, и его глаза быстро пробежали по написанному. По мере прочтения его лицо сменилось с удивлённого на серьёзное. Подавив эмоции, он уже создавал новый план у себя в голове.

— Можешь быть свободен, — не отрывая глаз от письма, сказал Харт. — И срочно Смита ко мне.

— Да, сэр, — подчинённый, не задерживаясь ни на секунду, выскользнул из кабинета и тихо прикрыл за собой дверь.

Шериф медленно пошёл к своему креслу, перечитывая на ходу короткое, но весьма информативное письмо.

Только он упал в кресло, как в дверь постучали.

— Войдите, — Харт поднял глаза, и в открывшуюся дверь вошёл Смит.

Шериф жестом подозвал его к себе. Офицер не успел ничего сказать и быстро подошёл к столу.

Харт молча протянул ему письмо, и Смит с недоумением на лице медленно протянул руку, чтобы взять его. В кабинете наступила тишина.

— Вы хотите её арестовать? — он закончил читать и поднял глаза на шерифа.

— Ни в коем случае, — отрезал Харт и откинулся на спинку кресла. — Этого недостаточно даже для того, чтобы вызвать на допрос. Из-за этого письма она в лучшем случае потеряет работу. А нам от этого не горячо и не холодно.

— Что тогда прикажете делать? — Смит положил письмо на стол.

— Усилить наблюдение, — Харт взял письмо и положил под стопку документов. — Она и так постоянно у нас под контролем, но теперь нужно, чтобы мы знали о каждом её вздохе.

— А что с Адамом Морсом?

— Он будет практически всегда с Амелией Рейнолдс, — Харт задумчиво посмотрел в сторону. — Поэтому просто продолжаем наблюдать.

— Хорошо.

— Нужно просмотреть записи с камер в «Тихой гавани». Неофициально, — последнее слово Харт сказал почти шёпотом, будто боялся, что его совесть услышит, как он отклоняется от правил.

Смит внимательно слушал начальника, не упуская ни единого слова.

— И ещё, Стивен, — шериф сделал паузу. — Об этом письме не должен знать больше никто. Ты понял?

— Да, сэр.

— Я рассчитываю на тебя. Можешь идти.

Смит кивнул и вышел из кабинета. Харт поднял стопку документов, достал письмо и снова посмотрел на написанное, будто хотел убедиться, что прочитал всё верно.

«В соответствии с применимыми законами о конфиденциальности мы не можем предоставить дальнейшие кадро-

вые данные, но подтверждаем отсутствие какой-либо истории трудоустройства для этого лица».

Адам проснулся от шороха совсем рядом. Открыв глаза, он увидел сидящую на краю кровати Амелию, которая пыталась застегнуть лифчик, заведя руки за спину. Сквозь шторы свет почти не проходил, но было понятно, что уже наступило утро. Адам уснул только перед самым рассветом, но чувствовал себя довольно бодрым.

— Тебе помочь? — тихо спросил Адам.

Амелия застыла, посмотрела на него через плечо, не обращившись всем телом, и улыбнулась.

— Буду признательна, — она отпустила задний пояс бюстгалтера и положила руки на грудь, придерживая его спереди.

Голос Амелии взбудрил его ещё больше, и он присел на кровати, чтобы помочь ей. Протянув руки к девушке, он внезапно остановился. В полумраке Адам смог разглядеть светлую, чуть выпуклую полосу через всю спину. Он медленно прикоснулся и провёл пальцами по ней. Амелия вздрогнула и опустила голову, задержав дыхание.

— Что это? — Адам задал вопрос, но уже и сам понял, что это шрам.

— Лет пятнадцать назад я думала, что легко перелезу через высокий металлический забор, — после короткого молчания сказала Амелия. — Теперь так не думаю.

Она подняла голову и снова посмотрела через плечо на Адама.

— Я не была примерной девочкой, — она улыбнулась и подёргала плечами, намекая, что он забыл ей помочь.

Адам убрал руку от шрама и застегнул крючки на петли.

— Спасибо, — она поправила бретельки, повернулась к Адаму и поцеловала его в губы.

— Ты пойдёшь на работу? — спросил он после недолгого молчания.

Ему тяжело было представить, что эта изящная девушка могла когда-то лазить по заборам или вообще заниматься чем-то подобным.

— Да, — она надела трусики и встала с кровати, чтобы натянуть их, на секунду оголившись перед Адамом. — Я ещё вчера позвонила Джессике и в двух словах описала ситуацию, без подробностей. Теперь мы снова поменялись сменами.

— Я думаю, что тебе здесь было бы безопаснее, — Адам не скрывал своих переживаний за неё.

— На работе я буду всегда на людях, а вечером ты меня встретишь, — она встала коленями на кровать, взяла Адама за щёки и поцеловала. — А здесь я буду как в тюрьме. Одна.

Она смотрела ему в глаза, словно гипнотизируя, а он легко поддавался, проваливаясь с головой в глубину её зелёных глаз.

— Не переживай. Ладно?

— Ладно, — улыбнулся Адам, отбросив тревогу.

Амелия широко улыбнулась, чмокнула его в щёку и продолжила собираться на работу.

— Тебе тоже стоит поторопиться, если не хочешь опоздать, — она посмотрела на Адама, и тот, очнувшись, второпях встал с кровати.

Через десять минут они уже стояли на улице в ожидании такси. Через дорогу, на том же месте, что и вчера, стояла машина, а в ней сидел мужчина и не сводил с них глаз.

Такси подъехало, и Адам открыл дверь для Амелии, а после сел сам с другой стороны. Машина тронулась, и вслед за ними выехал чёрный седан. Адам недовольно фыркнул. Девушка посмотрела в окно заднего вида на знакомую машину, медленнодвигающуюся за ними.

— Скоро это закончится, — прошептала она и положила ладонь ему на колено.

— Надеюсь, — Адам положил свою ладонь поверх её и упёрся затылком в подголовник.

17А, Блэк-Спрус-роуд, Стоун-Хейвен

хоспис «Тихая гавань»

11 марта 2026 года

Смит постучал в дверь кабинета и вошёл, не дожидаясь разрешения. Кларк оторвал взгляд от бумаг и невозмутимо посмотрел на офицера.

— Доброе утро, доктор, — он подошёл ближе к рабочему

столу. — Офицер Смит...

— Да-да, я помню, — перебил его Кларк. — Чем могу вам помочь?

— Я бы хотел... — Смит прокашлялся, собираясь с мыслями. — Я хочу попросить у вас разрешение взять копии записей с камер за последние месяцы.

— Зачем? — удивился доктор. — Это как-то связано с нашей базой данных?

— Вроде того, — неуверенно ответил офицер.

Кларк внимательно всматривался в лицо Смита, будто пытаясь прочесть его мысли. Напряжение в кабинете нарастало.

— Вы подозреваете кого-то из моих сотрудников?

— Нет, пока нет, — Смит нервно сглотнул. — Просто нужно ещё кое-что проверить.

— Мы храним записи только за последние тридцать дней, — Кларк с задумчивым видом смотрел на офицера.

— Этого будет достаточно.

— Вас провести к комнате охраны?

— Не стоит, — выдохнул Смит. — Я знаю, где это.

— Как скажете, — пожал плечами доктор. — Я сообщу охране, и они посодействуют вам во всём.

— Спасибо, доктор Кларк, — с облегчением сказал офицер.

Тот безразлично кивнул ему в ответ и вернулся к бумагам. Смит в спешке вышел из кабинета на взводе и, не успев

среагировать, столкнулся с медсестрой. Та ахнула и уронила папки с личными делами на пол.

— Прошу прощения, — испуганно сказал он и, присев на корточки, начал собирать документы, чувствуя, как лицо наливается краской. — Я вас не заметил.

Сложив все дела в стопку, Смит встал и остолбенел. Его лицо, ещё секунду назад стремительно красневшее, начало терять цвет.

— Вы, может, и в уборную ещё будете ходить за нами? — выпалила Амелия.

— Что, простите? — замялся Смит.

Она вырвала у него из рук личные дела и быстрым шагом пошла дальше, громко цокая каблуками по полу.

Смит прижался к стене, чтобы снова не стать препятствием у неё на пути.

— Чёрт! — прошептал он.

Он смотрел ей вслед, пока она не скрылась в одной из палат. Офицер тяжело выдохнул и уже не спеша направился в комнату охраны.

Там его ждал сотрудник, бросивший на него косой взгляд, как только тот вошёл, и без лишних слов протянул жёсткий диск.

— Это... — начал было Смит.

— Записи с камер за месяц, — оборвал его охранник монотонным голосом.

Смит взял жёсткий диск, расстегнул молнию на куртке

«Блауэр» и спрятал его во внутренний карман.

— Спасибо, — он застегнул молнию до самого подбородка.

Охранник что-то промычал ему в ответ, не отрывая глаз от маленького телевизора на столе.

— Какие у вас здесь все приветливые, — язвительно заметил Смит.

Тот повернулся в кресле и уставился на офицера.

— Вам ещё чем-нибудь помочь? — он не пытался скрыть своё раздражение.

— Я, пожалуй, пойду, — Смит потянулся к дверной ручке.

— Всего хорошего, — чуть ли не по слогам произнёс охранник, глядя ему в глаза, и медленно развернулся обратно к телевизору.

Офицер вышел из комнаты и направился сразу к выходу из хосписа, желая побыстрее покинуть это здание.

Адам зашёл в «Старую скорую» и случайно хлопнул дверью. Ник выскочил из-за стола с испуганным взглядом и, выдохнув, упал в кресло.

— Ты чего такой дёрганный? — Адам подошёл к стойке и взглянул на друга. — Доброе утро.

— Доброе, — Ник опёрся локтями о стол и уткнулся лицом в ладони.

— Что с тобой? — заволновался Адам.

— Да почти всю ночь не спал и теперь вырубаясь на ходу,
— сквозь ладони пробормотал Ник.

— И чем же ты таким занимался? — Адам усмехнулся и открыл журнал.

— Ты подумаешь, что я свихнулся.

— Говори, а там посмотрим, — не отрываясь от записи, сказал Адам.

Ник убрал руки от лица и положил их на стол, вытянув перед собой.

— Вчера, как только я вышел отсюда, за мной кто-то следил до самого дома. И сколько бы я ни оборачивался, так никого и не увидел. — Он протёр лицо. — Такое чувство, что мне дышали прямо в спину. Я как домой добрался, сразу заперся на все замки. Ещё всю ночь под окнами кто-то бродил. Жуть. Так и продежурил с ружьём в руках до самого утра.

Адам смотрел на него, затаив дыхание. По коже волной пробежали мурашки, и руки едва заметно задрожали.

«Я даже не подумал, что убийца может переключиться на Ника. Чёрт возьми! Такого друга, как я, и врагу не пожелаешь. Но если это он, то почему его слезка была настолько грязной? До этого от него не было ни малейшего следа».

— Утром обошёл всю территорию вокруг дома, — продолжил Ник. — И знаешь что? — Он замолчал, и в помещении на секунду повисла тишина.

Адам услышал биение собственного сердца. Ему стало стыдно, что он не подумал о безопасности друга. Осознание

того, что сегодня они уже могли и не увидаться, как стёкла, врезалось в его душу, оставляя предательские рваные раны.

— Ни единого следа! — Ник откинулся на спинку кресла и устало провёл ладонью по лицу.

«А он ведь даже не догадывается, что теперь в смертельной опасности. Из-за меня. Как всегда. Всё только из-за меня».

— Может, это копы? — Адам пытался успокоить Ника или обнадежить самого себя. — Они же наблюдают за мной и Амелией. Может, решили и за тобой присмотреть?

— Зачем им тогда крутиться у меня под окнами и шуметь, будто намеренно? — Ник с сомнением посмотрел на Адама. — Думаю, что мне всё-таки нужно просто хорошенько отдохнуть.

— Ты можешь пойти в комнату отдыха и прилечь, а я пока подежурю, — предложил Адам.

«Это меньшее, что я могу сейчас сделать».

— Ты уверен? — Ник изменился в лице и с надеждой посмотрел на друга.

— Конечно. — Улыбнулся Адам. — Работы пока нет, да и в таком состоянии до вечера не протянешь. Так что иди отдохни.

Ник, не скрывая радости, подорвался с рабочего места.

— Спасибо, дружище! — он похлопал друга по плечу и спешно поплёлся в комнату отдыха.

Адам с улыбкой кивнул ему и закончил запись в журнале.

Он обернулся и посмотрел вслед Нику, собирая все мысли в голове.

«Всё становится только хуже».

Адам обошёл стойку, уселся за рабочее место Ника и тяжело выдохнул. Посидев минуту в раздумьях, его взгляд упал на выдвижной ящик в столе. Он медленно потянул его на себя и, увидев рукоятку пистолета, быстро задвинул обратно.

Адам откинулся на спинку, прогоняя дурные мысли.

— Детка! — послышался голос мамы с первого этажа дома. — Додельвай уроки и спускайся. Скоро папа вернётся с работы, поможешь приготовить ужин.

Девочка положила картонку между листьями тетради, бросила карандаш рядом и выбежала в открытую дверь своей комнаты. Опершись на перила, она почти наполовину повисла над первым этажом.

— Хорошо, мамочка, — громким высоким голосом крикнула девочка. — Я уже почти закончила.

Она вернулась к письменному столу и села на мягкое кресло, подложив под себя ногу. На столе царил творческий беспорядок: ножницы, цветная бумага, карандаши всех возможных красок и маленький тюбик клея. Девочка развернула тетрадь и достала украшенную картонку. Ещё несколько небольших штрихов — и всё будет готово. Она воодушевлённо напевала себе под нос песенку из любимой детской

передачи и дёргала в такт ногой.

Затем взяла аккуратно вырезанное сердечко из ярко-красной бумаги, плеснула побольше клея, для надёжности, и приклеила его прямо по центру.

Девочка взяла картонку и держала её на вытянутых руках перед собой, прищулив один глаз и неосознанно высунув кончик языка.

— Вроде бы ровно, — сказала она, внимательно рассматривая свою работу.

Убедившись, что всё получилось, она положила картонку обратно на тетрадь, взяла небесно-голубой карандаш и медленно, большими буквами, ровно выводя каждую, написала: «Спасибо тебе».

Девочка радостно заулыбалась и запрыгала на кресле, предвкушая тот момент, когда сможет наконец подарить эту открытку. Да, теперь это не картонка, а целая открытка. Своими руками. А мама говорит, что всё самое лучшее — это сделанное своими руками.

Она вскочила с места и подбежала к подоконнику. Взяла маленький стульчик, передвинула и забралась на него. В окне уже начинали опускаться сумерки, и по всей улице загорались фонари. Поворотом ручки девочка разблокировала окно, но открывать его не стала, только подставила стопку книг, чтобы оно не распахнулось от ветра. Положила открытку на подоконник и спрыгнула со стульчика на пол.

На полпути из комнаты она остановилась на мгновение,

вернулась к столу, взяла всё тот же голубой карандаш и снова подошла к подоконнику. На открытке, в самом низу, маленькими буквами появилась надпись: «Для ангела».

Девочка проснулась от глухого звука в комнате. Приподнялась на кровати, опираясь на локти, и всмотрелась в темноту. Холодный воздух скользнул по её лицу, и кожа мгновенно покрылась мурашками.

Она перевела взгляд на окно. Оно было слегка приоткрыто, а на полу беспорядочно валялись книги.

Девочка радостно улыбнулась, вскочила с кровати и направилась к открытому окну, попутно освобождаясь от одеяла и сбрасывая его на пол.

Открытки на подоконнике не было, и она изо всех сил сдержалась, чтобы не запрыгать от счастья. Нельзя будить маму и папу.

— Это ты сама сделала? — тихий голос донёсся из самого тёмного угла комнаты.

Девочка обернулась на голос и сделала несколько шагов в его сторону.

— Да, сама, — взволнованно ответила она. — Тебе понравилась открытка?

— Понравилась, — тихий голос перешёл в шёпот.

— Ты ангел? — девочка пыталась разглядеть его в темноте.

— А ты ждала кого-то ещё, Мария?

— Ты знаешь моё имя? — с детским удивлением спросила она.

— Я же ангел, — ровным голосом сказал он.

Девочка радостно замахала руками и с широкой улыбкой пошла ещё ближе, чтобы наконец-то увидеть спасителя своими глазами. Теперь она точно не зажмурит глаза от страха и поблагодарит его за всё.

— У меня тоже есть открытка, — голос стал ближе, но его по-прежнему было не видно.

— Правда? — искренне обрадовалась девочка.

— Я хочу, чтобы ты передала её кое-кому.

— Обязательно передам! — радостно залепетала девочка и, не раздумывая, побежала на голос — в самый тёмный угол комнаты.

Глава 8

35, Мейн-стрит, Стоун-Хейвен
офис шерифа округа Айрон-Шорс
12 марта 2026 года

— Что у тебя? — спросил Харт, отвлѣкшись от документов, и кивком указал Смигу на кресло.

— Я поверхностно пробежался по записям с камер, которые взял в «Тихой гавани», — Смит сел поудобнее и прокашлялся.

— Так? — шериф нахмурился. — Нашёл что-нибудь интересное?

— Пока ничего. Нужно просмотреть ещё раз, но более внимательно. А на это нужно время.

— Ну так что ты тут делаешь? — Харт раздражённо смотрел на Смита.

— Есть кое-что, но, может, это и мелочь...

— Не тяни! — шериф повысил голос. — Ты же не просто так зашёл?

— В ночь с первого на второе марта с часу семнадцати до часу тридцати двух отсутствует запись, — в горле запершило, и Смит сглотнул.

Харт изменился в лице. Раздражение сменилось заинтересованностью. Он отложил ручку и откинулся в кресле, внимательно слушая подчинённого.

— На всех камерах одна и та же ситуация, кроме камер с главного входа и парковки. На них все записи в порядке,
— закончил Смит.

— Может, какой-нибудь перебой с электричеством?

— Все камеры завязаны между собой. В таком случае на тех двух тоже бы отсутствовал этот отрезок времени. Тем более у них есть генератор для таких ситуаций.

В кабинете наступила тишина. Харт сидел с серьёзным лицом, обдумывая услышанное. Смит нервно заёрзал в кресле.

Шериф наклонился к столу, вытянул сигарету из пачки и закурил. Дым плавно заполнял комнату, садясь на форму офицера и едко впитываясь в каждую ниточку. Смит выдохнул перед собой, чтобы отогнать от рецепторов приятный до отвращения и назойливый запах, которого он так давно пытается избегать.

— Возьми пару человек, — прервал молчание шериф,
— пусть внимательно изучат эти записи. Первое и второе марта просмотрите особенно тщательно. Каждое передвижение персонала. А ты отправляйся в «Тихую гавань», — Харт стряхнул пепел мимо пепельницы, не отводя глаз от Смита.
— Узнай, кто работал в ту ночь, и ненавязчиво допроси каждого. Может, кто-то видел или слышал что-то. Я хочу знать даже самую незначительную мелочь.

Смит кивнул и без лишних слов направился к выходу. Выйдя за дверь кабинета, он глубоко вдохнул и выдохнул, приводя дыхание в норму. Мысль об очередном посещении

хосписа заставила его поморщиться. Он судорожно проводил ладонями по куртке, будто пытаясь стряхнуть въевшийся никотиновый запах.

Внезапно в кармане завибрировал телефон, выведя его из раздумий. Он ответил на звонок и внимательно слушал поступающую информацию. Его лицо изменилось за секунду.

— Твою мать! — выпалил Смит.

Он отошёл от двери и сделал глубокий вдох.

— Возвращайтесь в участок. Вас сменяют, — офицер закончил звонок и сжал пальцами переносицу.

Он постоял минуту, обдумывая услышанное, и устало посмотрел на дверь кабинета шерифа.

— Ладно, — устало прошептал себе под нос Смит и отправился выполнять поручение.

Адам раздвинул шторы, чтобы хоть немного осветить квартиру. С тяжёлым металлическим скрипом они проехали по карнизу. Адам прищурился и отвернулся от окна. В играющих лучах по всей комнате плыла и поблёскивала пыль. Ближе к потолку, при свете дня, стала заметна сырость — тёмные пятна, небрежно разбросанные по обоям.

«Да уж. Такие условия убьют нас гораздо быстрее».

Адам аккуратно разложил одеяло на кровати, взял в руки подушку и замер. Что-то мелкое и твёрдое упёрлось в ладонь сквозь ткань. С задумчивым видом он перебирал пальцами по обнаруженному предмету, пытаясь определить, что это.

Адам посмотрел в сторону ванной. Звук льющейся воды всё ещё был слышен. Он быстро сорвал наволочку с подушки, покрутил её и осмотрел со всех сторон. Сбоку виднелся небольшой шов нитками, отличающимися по цвету. Применяв немного усилий, Адам с лёгкостью разорвал ткань и спешно стал выгребать перья.

Когда половина внутренностей подушки уже валялась на полу, он нащупал тот самый предмет. Адам достал его, положил на ладонь и стал внимательно рассматривать.

«Это ещё что за хрень?!»

Он водил пальцем по пластиковой чёрной шайбе размером со спичечный коробок и, заметив маленькую щель, кое-как подцепил её ногтем и потянул вверх. Предмет тихо отщёлкнул и распался на две части. Адам поднёс ладонь ближе к лицу — недоумение сменилось гневом. По всей плоскости шайбы крепились какие-то микросхемы и чипы, а рядом с ними был прицеплен предмет, похожий на миниатюрный микрофон.

Адам с силой сжал находку в кулаке и бросил в стену. Предмет глухо ударился и, отскочив, упал на пол.

Адам со злостью схватил другую подушку и разорвал её по шву. Высыпав набивку из перьев на кровать, он провёл по ней рукой. Здесь никаких предметов не было. Адам взял связку ключей, выбрал самый острый и с силой надавил на одеяло — получилось сделать небольшую дырку. Её хватило, чтобы просунуть палец и разорвать ткань. Перья полетели по

всей комнате. Адам встал на колени и начал рыскать руками по полу, пытаясь найти ещё что-нибудь. Ничего не отыскав, он поднял матрас, скинул его на пол и осмотрел корпус кровати со всех сторон.

Адам хаотично передвигался по комнате от одного предмета к другому, переворачивая, разрывая или ломая их. Очередь дошла до настольной лампы, но, осмотрев её, он ничего не нашёл и бросил на пол. Подставка с треском сломалась, и оттуда выкатилась ещё одна шайба. Адам прижал её ногой, наклонился и взял в руки.

— Что происходит?!

Адам обернулся на голос и увидел Амелию. В её широко раскрытых глазах читалось недоумение и шок. Она переводила взгляд с одной сломанной вещи на другую, а затем посмотрела на Адама, явно ожидая объяснений. Амелия стояла в одном полотенце, всё ещё мокрая, а перья, летающие по комнате, садились и прилипали к её телу.

Адам смотрел на девушку, замерев от неожиданности. В его глазах блеснуло безумие от нахлынувшей злости.

«Чёрт! Я совсем забыл про Амелию! Теперь она точно решит, что я псих! Как я мог потерять контроль над собой?!»

— Прости, — с трудом выдавил он.

— Адам, что случилось? — испуганно спросила Амелия, глядя на его покрасневшее, блестящее от пота лицо.

Он сделал несколько шагов в её сторону, и она отшатнулась, не переставая смотреть ему в глаза. Адам остановился,

поняв, что своими действиями напугал девушку. Амелия замерла. Он медленно протянул ладонь, на которой лежали те самые шайбы.

— Они нас прослушивали, — голос Адама дрожал, но был спокойным — в отличие от внешнего вида.

— Что это? — Амелия удивлённо посмотрела на него и не спеша взяла двумя пальцами одну шайбу с ладони.

— Жучок для прослушивания, — ответил Адам, — или что-то вроде того.

— Ты уверен? — она подняла предмет на уровень глаз, рассматривая его, и периодически бросала взгляд на Адама.

— К сожалению, да, — кивнул он.

— И что мы будем делать? — она протянула руку, возвращая жучок.

— Вернём Харту его имущество, — Адам взял шайбу и сунул в карман.

— А с этим? — Амелия кивнула в сторону комнаты.

Адам обернулся, и его передёрнуло. В комнате царил настоящий хаос.

«Господи! Неужели это всё сделал я?»

Он молча смотрел на дело своих рук и не находил слов, чтобы ответить. Сердце с силой стучало по рёбрам, картинка перед глазами начала плыть. Осознание того, что он потерял контроль, когда Амелия была рядом, ужасало его.

— Можем пожить у меня, — прервала молчание девушка.

Адам обернулся и вопросительно посмотрел на неё.

— Мой дом не является местом преступления, в отличие от твоего, — продолжила Амелия. — Мы же здесь не принудительно?

— Это убежище, а не тюрьма, — согласился с ней Адам, наконец обретя речь. — По крайней мере я на это надеюсь. Но прослушку не ставят просто так. Видимо, у них есть сомнения в отношении нас. И я хочу узнать у Харта, какие.

— Тогда соберём вещи, — Амелия, едва дослушав, в спешке схватила одежду и побежала одеваться в ванную. — Сегодня ночуем у меня.

Адам удивлённо наблюдал, как она заметалась по квартире, полностью переключившись с того, что увидела минуту назад. И главное — она не оттолкнула его. Амелия принимает его таким, какой он есть. Другая на её месте уже сбежала бы, не забрав даже вещи.

«Как же я завидую её спокойствию».

Через двадцать минут они вышли на улицу. Машина такси уже ждала их. Адам открыл дверь для Амелии, и его взгляд упал на чёрный автомобиль через дорогу.

— Я сейчас вернусь, — сказал он девушке и направился к седану.

— Адам! — она выскочила из такси. — Не нужно этого делать!

Адам, не оборачиваясь, быстрым шагом подходил всё ближе к машине. На водительском сиденье сидел мужчина и с недоумением смотрел, как к ним приближается объект

слежки.

Адам постучал в окно. Оно медленно опустилось. Резкий запах сигаретного дыма вырвался наружу, ударив по его рецепторам. Два копа в гражданской одежде вопросительно смотрели на него.

Адам достал из кармана несколько жучков и швырнул в них.

— Можете засунуть это друг другу в зад и продолжать слушать! — рявкнул он. — Отвалите от нас!

Копы шокированно смотрели на Адама, не издавая ни звука. Тот резко отвернулся и побежал к Амелии, которая стояла на обочине и наблюдала, как её парень, возможно, делает ошибку, но не стала его останавливать. Адам подбежал к ней и поцеловал в щёку.

— Поехали, — запыхавшись, но с улыбкой сказал он.

Она улыбнулась ему в ответ, и, сев в такси, они отправились на работу. Чёрный седан не сдвинулся с места.

— Доброе утро, — выдавил улыбку Смит и подошёл к стойке регистрации.

Маргарет подняла глаза, отрываясь от журнала, и нахмурилась.

— Доброе, — бросила она. — Вам чем-нибудь помочь?

Смит переступил с ноги на ногу — неприятное воспоминание от прошлого посещения хосписа накрыло его. Он то и дело оборачивался и смотрел по сторонам. Ни одного при-

ветливого лица по отношению к нему не было видно.

— Вы можете предоставить список всех, кто работал первого и второго марта? — спросил он на одном выдохе, заранее подобрав слова.

— Открывайте нужные вам даты и пишите свой список, — сухо сказала Маргарет и подвинула журнал к нему.

Смит на мгновение замер, впечатлённый уровнем дружелюбия к полиции. Он перевёл взгляд с женщины на журнал, открыл его с середины и начал листать. С каждой перевёрнутой страницей лицо офицера наливалось всё более яркими красками и начинало пылать так, будто он только что получил хорошую пощёчину.

Смит долистал до нужных дат и пробежался глазами по именам. Используя палец вместо закладки, он перевернул на сегодняшние записи, бегло просмотрел и вернулся обратно.

— Из тех, кто работал первого и второго числа, сегодня на месте только доктор Уэллс? — Смит поднял глаза на Маргарет, но та безразлично смотрела на него.

Офицер выдохнул и закатил глаза.

— Как мне найти доктора Уэллса? — спросил он, уже теряя терпение.

— Прямо по коридору, крайняя дверь направо, — монотонно произнесла Маргарет. — В кабинете дежурного врача.

— Доброе утро, Маргарет, — широко улыбаясь, сказала Амелия.

Смит дёрнулся и оглянулся. Из-за его спины выскользну-

ла Амелия и встала у стойки.

— Здравствуй, милая, — Маргарет встала и удивительно приветливо поприветствовала девушку.

Амелия взяла журнал прямо из-под носа Смита, даже не взглянув на него. Офицеру захотелось освободиться от куртки и расстегнуть верхнюю пуговицу на рубашке, чтобы вернуть возможность нормально дышать. Лицо больше не пылало и возвращало естественный цвет, но чувство комфорта рядом с этой девушкой терялось полностью. Контраст отношения Маргарет к нему и к этой медсестре создавал особое напряжение над стойкой регистрации. От него, казалось, волосы по всему телу уже рвутся выпрыгнуть из-под кожи.

Амелия взяла ручку и лёгким движением размашисто записала свою фамилию, указала время и поставила подпись. Она закрыла журнал и протянула его Маргарет.

— Я, пожалуй, пойду, — проямлил Смит. — Спасибо за помощь.

Амелия и Маргарет мило обсуждали что-то, не обращая внимания на помеху. Никто даже не посмотрел в его сторону, будто он произнёс это у себя в голове. Офицер осторожно обошёл Амелию и зашагал по коридору.

Смит остановился у двери дежурного врача и посмотрел в сторону стойки регистрации. Там всё ещё мило велась беседа, и в его сторону не бросили ни одного взгляда. Он собрался с мыслями, постучал, дёрнул ручку и вошёл, готовый к новой порции дружелюбия.

— Доктор Уэллс, доброе утро, — тихо начал Смит.

Мужчина поднял голову, отрываясь от своих бумаг, и посмотрел на него.

— Офицер Стивен Смит, — продолжил тот, подходя к столу и протягивая руку.

Внезапно Уэллс улыбнулся и встал из-за стола.

— Генри Уэллс, — он пожал руку Смита. — Чем могу помочь?

Офицер на секунду растерялся, не ожидая получить хоть каплю вежливости.

— Эм... Да, — он замялся, уже забыв, зачем пришёл. — Вы ведь дежурили с первого на второе марта?

Уэллс отпустил его руку и с задумчивым видом вернулся в кресло. Он открыл блокнот, пролистал несколько страниц и снова улыбнулся.

— Да, работал.

Смит, расслабившись, уселся в кресло напротив.

— Вы не заметили в ту ночь ничего странного? — тихо спросил офицер. — Может, припомните что-то подозрительное? Или были, например, сбои электричества? Хоть что-нибудь.

Уэллс молча сидел и смотрел на Смита.

— Я не припомню ничего подобного, — ответил доктор после недолгих раздумий. — Обычная смена, без происшествий.

Смит разочарованно опустил голову, но тут же снова под-

нял её и взглянул на собеседника.

— Утром второго марта вы отметились об уходе в журнале на три часа позже. Почему?

— Ах да, — Уэллс оперся на спинку стула. — Одна из пациенток пошла на поправку, и я лично решил сопроводить её в госпиталь для обследования.

— Вы можете назвать имя пациентки, — Смит достал блокнот и ручку.

— Мария Васкес, — с улыбкой ответил доктор. — Оказалось, что она полностью здорова.

Офицера передёрнуло, когда он услышал имя из списка наблюдения, и он положил блокнот обратно в карман.

— Это же хоспис, — удивлённо сказал Смит. — Здесь не выздоравливают.

— Результаты говорят об обратном, — спокойно ответил Уэллс.

— Я слышал про чудесные выздоровления в «Тихой гавани», но думал, что это байки или кто-то просто преувеличивает.

— Это не байки, это чудо.

— Вы верите в чудеса, доктор?

— А вы можете объяснить это как-то по-другому?

Смит замолчал и задумчиво слушал доктора.

— Я бы хотел знать, как и любой врач, из-за чего рак на последних стадиях так просто может не просто отступить, а исчезнуть без следов, — Уэллс сделал короткую паузу. — Но

пока мы можем объяснить это только чудом.

— И сколько уже было таких чудесных исцелений? — с ноткой недоверия спросил Смит.

— Семь.

— Ну, семь — это немного. Так ведь?

— Это за последние восемь месяцев.

— А сколько было до этого?

— Ни одного.

Смит потерял дар речи и смотрел на Уэллса, начиная осознавать масштаб происходящего. Доктор встал и протянул руку озадаченному офицеру.

— Если это всё, то я вернусь к работе.

Смит вскочил, улыбнулся и пожал Уэллсу руку.

— Спасибо за содействие, доктор.

Офицер как можно быстрее вышел за дверь, прокручивая информацию в голове, и, пролетев мимо стойки регистрации, покинул хоспис.

— Сегодня выглядишь гораздо лучше, — Адам снял с вешалки медицинский халат и вышел из комнаты отдыха.

— Этой ночью спал как младенец, — Ник потягивался на стуле, вытянув руки вверх.

Адам натянул халат, застегнул пуговицы и подошёл к стойке.

— Тебе, наверное, и правда нужно было просто выспаться.

— Я так и думал, — согласился Ник. — Сон лечит всё.

Адам открыл журнал и сунул руку в карман халата, чтобы достать ручку. Её там не оказалось, но он нащупал что-то другое. Удивлённый, он достал содержимое кармана и увидел какую-то разрисованную картонку.

«Откуда у меня это в кармане?»

Адам почувствовал, как пальцы коснулись чего-то липкого, и перевернул находку. С обратной стороны толстым слоем на ней была кровь, сливающаяся в один цвет с приклеенным сердцем из цветной бумаги.

«Спасибо тебе».

Адам с трудом прочитал надпись из-за перекрывающей её крови.

«Что это такое?!»

Он рассматривал картонку, не понимая, что держит в руках. Присмотревшись внимательнее в самом низу, Адам увидел надпись «Для ангела» — и его пальцы разжались. Открытка полетела вниз, ударилась уголком о пол и беззвучно легла плашмя.

«Нет... Только не это...»

Адам отшатнулся от стойки, еле держась на ослабевших за мгновение ногах, и начал хлопать ладонями по всем карманам, пытаясь найти телефон. Его взгляд был прикован к лежащей на полу открытке.

Ник вскочил из-за стола и обошёл стойку.

— Адам, — взволнованно произнёс он. — Что с тобой?

Ник испуганно смотрел на друга, видя его состояние. Он перевёл взгляд на пол, куда не отрываясь смотрел Адам. Ник увидел окровавленную картонку, наклонился и поднял её. Осмотрев с обеих сторон, он вернул взгляд на Адама. Тот уже нашёл свой телефон и непослушными пальцами набирал номер.

— Адам, — почти шёпотом произнёс Ник. — Что это?

Адам не реагировал на вопросы друга. Закончив набирать цифры, он приложил телефон к уху. Ник с ужасом наблюдал, как его друг стремительно бледнеет и в уголках глаз скапливаются слёзы.

— Амелия! — сказал он в трубку. — Ты видела сегодня Лиззи?

— Да, — ответила девушка. — Я только что была у неё в палате. Что-то случилось?

«Мария».

Адам с силой зажмурился и попытался сделать голос спокойным.

— Пока не знаю. Просто будь осторожна.

— Адам, в чём дело? — беспокойно спросила Амелия.

— Я скоро перезвоню, — сказал он и поспешил закончить разговор.

Адам опёрся рукой о стойку и прижал ладонь к лицу.

— Да что произошло?! — уже не сдерживая эмоции, спросил испуганный Ник.

— Срочно едем к Харту, — потерявшим силу голосом

прошептал Адам.

Ник, не медля ни секунды, забежал за стойку и снял с крючка ключи от служебной машины. Он взял друга под руку, и они направились к выходу из «Старой скорой».

Смит постучался и, не дожидаясь ответа, вошёл. Харт поднял на него вопросительный взгляд.

— Ты почему здесь? — удивлённо спросил шериф.

— Сэр, мне удалось поговорить с врачом, который дежурил с первого на второе марта, — запыхавшись, проговорил Смит.

— И?

— Ничего странного он не видел и не слышал.

— Смит, ты можешь хоть иногда сразу начинать с самой сути? — нервно пробормотал Харт.

— Мария Васкес, — офицер подошёл к столу.

— Что Мария Васкес? — недоумевал шериф.

— Утром второго марта она проснулась полностью здоровой.

Харт молча смотрел на Смита, всем своим видом давая понять, чтобы тот не тянул.

— Васкес выздоровела именно в ту ночь, за которую отсутствует часть записи, — офицер прокашлялся. — Ещё шестеро детей в течение восьми месяцев чудесным способом побороли рак.

— Я слышал об этом, — прервал молчание Харт. — К

чему ты ведёшь?

Смит сел в кресло и подвинулся ближе к столу. Его глаза горели, будто он на пороге какого-то открытия, вот только пока не знает, какого именно.

— Все адреса, которые дал нам Адам Морс для наблюдения, — это адреса детей, чудом победивших смерть за эти восемь месяцев.

— Про это я тоже прекрасно знаю, — Харт нахмурился, пытаясь сложить у себя в голове тот пазл, который раскладывает Смит.

— Я тут подумал, — офицер запнулся. — Адам Морс дал нам этот список, так как очень печётся за безопасность этих детей, двое из которых уже мертвы. Мы знаем, что убийца как-то связан с ним и оставляет послания для него. И все дети выздоровели как раз в промежуток времени, когда Морс пришёл работать в «Тихую гавань». — Смит выдохнул.

— Продолжай, — заинтересованно кивнул Харт.

— Я пока не знаю, как всё это сложить в одну цельную картину, но мне кажется, что Адам Морс намного более ценная фигура в этом деле, чем мы можем себе представить.

Харт закурил, обдумывая всё сказанное Смитом.

— То есть, — выпустив дым, начал говорить шериф, — ты считаешь, что исцеления детей связаны напрямую с Морсом?

— Я просто сложил дважды два, — Смита уже начало давить сомнение. — Очень странно, что он принёс адреса

именно тех детей, хотя погибали и другие люди, которых мы приписываем к одному и тому же убийце. Будто Морс знал наверняка, что убийца придёт именно за этими детьми.

Мелодия из кармана Смита прервала разговор. Он достал телефон и взглянул на шерифа. Тот одобрительно кивнул, и офицер ответил на вызов.

— Продолжайте наблюдение, — сказал Смит в трубку после того, как ему донесли информацию, и положил телефон обратно в карман.

Харт вопросительно посмотрел на него.

— Доложили по одному адресу из списка, — Смит прокашлялся и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. — Вчера вечером в дом вошёл отец семейства, и с того момента больше никто не входил и не выходил. Также не замечено никаких движений ни в доме, ни на территории вокруг него.

— По какому именно адресу? — Харт затушил сигарету.

— 1824, Эшвуд-лейн, — офицер достал салфетку из нагрудного кармана и вытер пот со лба. — Адрес Марии Васкес.

В кабинете повисла тишина. Харт, разбирая головоломку в своих мыслях, наблюдал, как дымок из пепельницы тонкой струйкой тянется к потолку.

— Так, понятно, — озадаченно произнёс шериф и откинулся на спинку кресла. — Что слышно по наблюдению за Морсом и Рейнолдс?

Смит мгновенно побледнел и потерял дар речи. Харт

сверлил взглядом подчинённого, ожидая ответа.

— На счёт Морса и Рейнолдс... — начал растерянно мямлить офицер.

Внезапно дверь распахнулась, и в кабинет влетели запыхавшиеся Адам и Ник. Смит резко обернулся, а шериф от неожиданности выпрямился в кресле.

— Адам?! — удивился Харт. — Ты что тут делаешь?!

Тот подошёл к столу и бросил открытку прямо перед шерифом.

— Нужно срочно отправляться к дому семьи Васкес, — прерывисто, еле выговорив, сказал Адам.

Харт взял в руки открытку, повертел и осмотрел её. Он перевёл взгляд на Адама и Ника, стоявших в медицинских халатах, с красными и вспотевшими лицами.

— Что это? — с недоумением спросил шериф.

— Ещё одно послание, — нервно бросил Адам, подошёл в упор к столу и опёрся на него руками. — Нам срочно нужно туда, — он смотрел на Харта безумным взглядом, вперемешку с отчаянием.

Шериф немедленно встал из-за стола, взял с крючка куртку и поправил пояс, на котором свободно болталась кобура.

— Смит, — командным голосом сказал Харт, — бери людей и выдвигаемся.